

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

АНДРЕЙ ЮРОВ

Публикация создана Центром гражданских свобод при поддержке Программы Развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и финансовой поддержке МИД Дании для слушателей Киевской школы прав человека и демократии.

Взгляды, высказанные в этой публикации, принадлежат авторам и могут не совпадать с официальной позицией ПРООН.

Напечатано в ФОП Бурнос Светлана Александровна
Предназначено для бесплатного распространения

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы живем во время очередного глобального кризиса. Этот кризис имеет ценностное измерение. Даже в странах, которые называют развитыми демократиями, усиливаются популистские движения, происходит деление общества на «свои» и «чужие», подрываются демократические институты и открыто ставятся под сомнения принципы Общей декларации прав человека.

Очертания будущего миропорядка размыты. Складывается впечатление, что нынешние поколения не являются носителем ценностей свободы, они скорее унаследовали эту свободу от своих предшественников. И поэтому люди готовы легко обменять свободу на иллюзию безопасности, ощущение величия своего государства, экономические блага, технологическое развитие.

Сейчас этот тест опять проходит Украина, которая уже заплатила за свой демократический выбор довольно высокую цену. И в этом периоде турбулентности очень важны голоса людей, которые являются своего рода стражами границ и отстаивают человеческое достоинство.

Тексты Андрея Юрова выходят за рамки проблем национальных государств. Он ставит сложные вопросы и заставляет искать на них сложные ответы. Он учит той «интеллектуальной гибкости», которая вне догм и шаблонов, и поэтому не боится называть вещи своими именами. Его тексты не просто про права человека, они про возрождение гуманизма, про глобальные вызовы и про собственную ответственность.

Мне очень повезло, что я могу называть Андрея Юрова одним из своих Учителей.

*Александра Матвейчук,
председательница правления Центра гражданских свобод*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Биография автора.....	6
Драматическое противостояние: открытое обращение международного правозащитника к генеральному секретарю и верховному комиссару по правам человека ООН о ситуации в Сирии.....	16
Совет Европы: спасти нельзя забыть.....	18
Правый популизм как вызов правам человека.....	25
Ураган «Гулаг».....	29
Прекратить жить «при Обаме», начать жить при себе самом.....	31
Андрей Юров, Human rights agents.....	52
Речь на торжественном вручении Хельсинкской Гражданской Премии.....	56
Интервью: международное гражданское общество нынче плетется у политиков в хвосте.....	57
за что сражались наши деды [частные размышления об итогах второй мировой войны].....	61
Интервью: «я хотел бы защитить всех, но нас слишком мало».....	65
Правозащитник Андрей Юров: «Пока вы сакрализируете суд, вы будете жить в Гулаге».....	71
Интервью: «Я этнический скиф».....	78
Интервью: рассказ о международном молодежном движении.....	84
Гуманитарият, или о месте интеллектуалов в социальном пространстве.....	89
Cosmos Civilis или гражданские группы и гражданские организации.....	101
Победа и покаяние.....	120
Молодежный активизм и права человека.....	123
Международное Правозащитное Движение (МПД) как новый интернационал.....	125
Послесловие.....	128

БИОГРАФИЯ АВТОРА

Андрей Юров (АЮ)

Известный международный правозащитник, социальный философ, литератор, со-автор концепции «гуманитарного антифашизма/Human Integrity», Научный руководитель Международной школы прав человека и гражданских действий, Научный руководитель Международно центра прав человека при Санкт-Петербургском институте им Принца П.Г. Ольденбургского.

Родился в Воронеже (Российская Федерация) в апреле 1968 года. По образованию — физик, психолог, менеджер (незаконченное высшее).

С 1986 года принимал участие в литературно-диссидентских сообществах, «официально» начал заниматься правозащитной деятельностью с ноября 1988 года в рамках «Профсоюза литераторов и журналистов» (неформальная организация, работавшая первые годы на «нелегальном» положении) по темам: свобода выражения мнений, свобода совести, свобода собраний и ассоциаций.

В начале 1990-х несколько лет занимался защитой социальных и трудовых прав и развитием свободного профсоюзного движения. С 1995 года участвует в деятельности Межрегиональной группы Воронеж/Черноземье.

С весны 1998 года - один из вдохновителей, создателей и лидеров международного МПД (Молодежного Правозащитного Движения).

С 1999 года - руководитель Школы социального творчества «СТАРТ», занимавшейся неформальным образованием молодежи в сфере НКО.

С 1998 года работал в различных правозащитных программах, постоянно выступает в качестве автора и ведущего образовательных программ по правам человека в различных регионах, прежде всего — Восточной Европы и Центральной Азии.

С 2007 года - Научный руководитель Международной школы прав человека и гражданских действий.

Организовывал / принимал участие в работе правозащитных миссий в Беларуси (с 24 декабря 2010 г. по настоящее время в связи с массовым нарушением прав человека после президентских выборов), в Бишкеке и Оше, Кыргызстан (в июле-августе 2010 г. в

связи с межэтническими столкновениями), в Чечне (периодически с 2009 г. в составе Сводной мобильной группы), в Грузии (в августе 2008 г. в связи с военным конфликтом). С марта 2014 года создал и возглавил Крымскую полевую миссию по правам человека, которая вела постоянный мониторинг соблюдения прав человека на территории полуострова.

Награды и премии:

Лауреат первой премии Московской Хельсинкской группы в области защиты прав человека за 2009 год в номинации «За развитие традиций защиты прав человека среди молодежи»;

19 ноября 2015 присуждена престижная международная премия — Helsinki Civil Society Award — «за непрерывные усилия по организации кампаний солидарности и наблюдательных миссий в регионе ОБСЕ в условиях массовых нарушений прав человека».

ИНТЕРВЬЮ: ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ ИЗМЕНЯТСЯ. ВОЗМОЖНО, К ХУДШЕМУ

Елена Соловьева, 18.04.2018, open Democracy

Правозащитник и социальный философ Андрей Юров о правах человека в Крыму, переменах в России и начале трех мировых революций.

Андрей Юров – руководитель и участник полевых миссий в Крыму, Чечне, Грузии, Кыргызстане, Беларуси; правозащитник, член Совета по правам человека при президенте РФ, эксперт Совета Европы и Московской Хельсинкской Группы. Корреспондент openDemocracy встретила с Юровым в Сыктывкаре, куда он приехал провести беседу об отношении людей к своим правам и свободам, а также принять участие в пресс-клубе на тему того, как меняются СМИ в России.

Патриотический угар никуда не делся, а Крым был частью этого угара.

Четыре года назад Россия аннексировала Крым, большая часть россиян по этому поводу испытывала восторг и кричала “Крым наш!” А чувствуют ли они его действительно “нашим” спустя несколько лет?

Я точно не могу судить хоть сколько-нибудь объективно. Мы все живем в пузырях наших соцсетей, которые не имеют отношения к реальному миру. Я нахожусь среди тех, кто все еще не признал, в соответствии с международным правом, эту процедуру. Понятия не имею, что в головах других людей. Их большинство, мы ходим по улицам, бываем в одних и тех же кафе, ездим в одном метро, но я не знаю, что они думают. Но мне кажется, глобальный патриотический угар никуда не делся, а Крым был частью этого угара.

Я наблюдала за празднованием годовщины присоединения Крыма в Сыктывкаре 18 марта, и у меня не сложилось такого впечатления – все было слишком официозно, большую часть людей просто пригнали.

Я не про акции, я про общее настроение. Думаю, что за предложение пересмотреть статус полуострова от трех четвертей россиян можно просто сразу получить в рыло, без вопросов.

А почему Крым так важен?

Думаю, дело не в Крыме. Точно так же можно получить сразу в рыло, если, например, сказать, что российские военные в Сирии не только бомбят запрещенное в России государство ИГИЛ и боевиков радикальных исламистских групп, но и женщин, стариков и детей. Сразу в рыло могут дать, если сказать, что хоть один советский солдат изнасиловал хоть одну немку или польку в конце Второй мировой войны, хотя в Польше есть десятки тысяч свидетельств этого.

Мы как общество по-прежнему остаемся в ситуации очень болезненного ребенка, который всегда и во всем прав. И если он случайно разбивает чашку, то это не он: кошка бежала или чашка сама упала. Мы не можем признать, что мы хоть что-то делаем неверно. Более того, все, что мы делаем, священно. Если мы совершили какой-нибудь даже самый страшный акт, единственная цель – не исправить его и понести ответственность, а каким-то хитрым образом натянуть на него сакральность и объявить, что это было единственное возможное действие: “Я не мог не изнасиловать эту женщину! Так сложились обстоятельства, я просто подвиг совершил”.

Может, это просто расщепление общественного самосознания, при котором насилует всегда кто-то другой, как у ребенка кошка разбивает чашку? Люди просто искренне верят, что никакого насилия со стороны советских солдат не было.

Верят, да. Тут такое рассуждение: “Все, что было, было сакральным, а то, что не сакральным, того не было”. Либо я разбил чашку во имя высоких целей, либо не имею к этому отношения, это две стороны одного и того же.

Как давно ты был в Крыму?

В июне 2015 года. Есть две причины того, почему я сейчас туда не езжу, одна связана с Россией, другая – с Украиной. Три года назад российский парламент опубликовал “патриотический стоп-лист”, там было десять организаций: американских, украинских и международных. Это было сделано, чтобы прокуратура внесла их в реестр нежелательных организаций. Среди них оказалась наша “Крымская полевая миссия”, которая формально состоит из одного человека – меня (там нет сотрудников, есть глава и эксперты).

Была вероятность, что меня лично признают нежелательной организацией. А это означает, что если я приезжаю в Крым, то

становлюсь опасным для всех, с кем встречаюсь, для людей это сразу – угрозы и обыски, хотя до этого я приезжал как известный правозащитник, и встреча со мной была защитой. Я не такой подлец, чтобы теперь ехать туда и создавать для всех угрозу.

Есть и еще одна причина: до июня 2015 года в Украине был закон, который было непонятно как соблюдать, а потом приняли правила въезда. За разрешением на въезд в Крым надо обращаться в МИД Украины, в миграционную службу, где определили процедуру. Согласно ей правозащитная деятельность не могла быть причиной для въезда почти полтора года. Я не мог въехать в Крым из России, потому что это нелегально для Украины, а легально тоже не мог, потому что, с точки зрения украинских властей, моя деятельность не была легальной.

Конечно, есть сложный вариант: либо бесконечно ждать разрешения в Киеве, которое могут не дать, либо ехать своим ходом в Крым и оттуда, несолоно хлебавши, возвращаться обратно, либо нарушать закон Украины. Я не планирую этого делать, но, если будет чрезвычайная просьба каких-то крымских жертв, которые скажут, что мое присутствие сможет кому-то помочь, я наплюю на все законы.

Несколько лет назад ты говорил, что Крым превратится в серую правовую зону.

С точки зрения международного права он остается серой зоной. Совет Европы и Европейский суд не считают эту территорию российской. Международное право оценивает призыв в российскую армию на территории Крыма как нарушение, потому что его нельзя осуществлять на оккупированных территориях. Очень многие как бы обычные и не злонамеренные действия российских властей в Крыму, такие же как и в других регионах, международное право оценивает как грубейшее нарушение прав человека.

Как там соблюдаются права простых граждан?

Свобода слова, собраний и ассоциаций там примерно такая же, как в не очень благополучных регионах России, например, в Краснодаре. Но есть отдельные группы людей, которые подвергаются совершенно другому преследованию, например, верующие мусульмане, и не обязательно это крымские татары.

А есть еще украинская община, община Украинской православной церкви и другие группы по языковым, этническим, религиозным, каким-то еще признакам, члены которых подвергаются регулярным

обыскам, вызовам на допросы. К ним могут ворваться вооруженные люди в кафе и положить всех лицом на пол. Не могу сказать, что такое же происходит, допустим, в Ростовской области. Если говорить о 80% населения, для них все примерно так же, как для самых неблагополучных регионов. Но про Крым надо говорить с теми, кто там регулярно бывает.

Путин, когда Крым только аннексировали, прекраснoдушно заявлял, что там будут соблюдаться права самых разных групп населения, ко всем будут толерантны и внимательны. Но после этого начались гонения. Зачем России это нужно?

Ситуация намного сложнее. Во-первых, многие вещи идут не сверху, а являются продолжением местных разборок. Когда Крым был украинским, крымские татары были уважаемыми людьми, и трогать их было нельзя. А сейчас можно отжать у них бизнес, например. Второе – это желание свести счеты, политические. Третье: там есть группа людей, которые точно так же преследуются в России в других регионах, но которые не преследовались в Украине. Например, известная мусульманская структура “Хизб ут-Тахрир”, которая в некоторых странах экстремистская, а в каких-то нет. В Украине она признана легальной, а в России она нелегальна. И в Крыму членами этой организации стали заниматься люди, которые занимались ими на Северном Кавказе, это не сведение счетов, это просто та же самая практика, что и в других частях России.

Есть более серьезные вещи, с которыми российская власть не знает, что делать, потому что не научилась ничему, кроме репрессий. В Крыму живут люди, которые не признают суверенитета России на этой территории, и мы не научились с ними договариваться. Россия как государство умеет либо покупать людей, либо запугивать. Это совершенно архаический, бандитский прием. Договариваться сложно – для этого надо верить в себя. А мы знаем, что соврем: сначала говорим, что нас там нет, затем, что военную форму можно купить в любом военторге, а потом раздаем медали задним числом “За взятие Крыма”. Но когда мы все время себе не доверяем, тогда дело плохо.

Современная детско-архаичная Россия, не понимает, что делать со взрослыми людьми, которые не собираются действовать вооруженным путем, а просто не признают ее власть – не ходят на выборы, не участвуют ни в каких государственных затеях. Они

говорят: мы будем здесь до тех пор, пока ваша власть не канет в Лету, потому что до вас были одни, потом другие, мы и вас переживем. “Как это, мы же тысячелетний Рейх, мы никогда в Лету не канем”, – говорит нынешняя Россия. Это уже тяжелейший идеологический конфликт.

Мне кажется, что последние выборы президента России и в целом для страны не были событием.

За последние 18 лет я ни разу выборы не воспринимал всерьез, и я не политолог, поэтому мне трудно комментировать. У меня было ощущение того, что власть нуждается в плебисците, который подтвердил бы верность курса. Зеркальная вещь сейчас произошла в Китае, где тоже президенту разрешили править бессрочно. У нас впервые после Мао возник новый великий кормчий. Недавно Китай выступил в Совете по правам человека с предложением создать новую систему, которая отрицала бы либеральные ценности, потому что они якобы человеку не свойственны. Нынешний Китай занимает антиправозащитную позицию, и, скорее всего, правда, что китайский народ в едином порыве это одобряет, хотя всегда есть процентов двадцать колеблющихся. Но это еще один серьезный показатель того, что есть концепция обмена прав и свобод на благосостояние.

В мире три революции совершаются на наших глазах.

Что может серьезно изменить ситуацию в России в ближайшие несколько лет?

В России пройдут изменения, которые формально никак не связаны с тем, кто у власти. В мире произойдут очень серьезные трансформации. Я говорю про три революции, которые совершаются на наших глазах.

Первая из них – энергетическая: полный отказ от нефти, газа и обесценивание всей этой дряни, полный переход на возобновляемые источники, причем настолько дешевые, что ни одного автомобиля или дома не будет без солнечных панелей. Кстати, многие вопросы будут автоматически решены, потому что солнечные панели позволяют отапливать собственные крыши, чтобы на них снега не было совсем, в итоге, не будет проблемы сосуллек и тротуаров на которые они могут упасть.

Это же влечет за собой отказ от каких-то централизованных коммуникаций и большую независимость граждан от государства.

Да, я об этом и говорю. Эта революция улучшит благосостояние граждан во многих странах второго и третьего мира, например, бесплатная энергия – это очень мощная штука.

Вторую революцию я бы назвал электронной. Я имею в виду быстрый переход к искусственному интеллекту, к роботизации очень многих профессий. Очевидно, что многие чиновники, такие, как нотариусы, не нужны. Это функция, которую компьютер выполняет очень хорошо и быстро. В ближайшие годы, например, из сбербанка уволят более трех тысяч юристов, которые выполняют рутинные функции. Для проверки большого количества документов не нужен человек, он, напротив, часто будет ошибаться.

Мы уже сейчас отказались от многих услуг сотрудников банков, можем, к примеру, оплачивать счета с помощью телефона.

Но скоро это будет происходить лавинообразно и не только в банковской сфере, возникнут очень серьезные этические проблемы. Есть простая программа водителя, например, у компании Tesla. У меня только один вопрос: кто пишет программу и по каким принципам решает кому жить, а кому умирать? Поясню: едет машина с электронным водителем, все отслеживает. Вдруг под колеса выскакивает человек. Кого машина должна прежде всего спасти? Допустим, под колеса выныривает пьяный человек, и машина принимает решение спасти клиента, а этого давить. Но что делать, если выскакивает случайно беременная женщина с двумя детьми? Мы принимаем решение врезаться в столб и убить клиента? И кто тогда будет пользоваться нашим бизнесом? Следующий вопрос – какие правозащитные организации в мире это контролируют? Кто будет проверять электронщиков, которые будут делать что-то по заказу своих шефов, и мы даже не будем знать, что они туда запихнут?

Потому что это коммерческая тайна.

Мы так придем к той самой антиутопии с властью корпораций. Но мы будем решать этот вопрос когда уже будет поздно, когда будут миллионы водителей и корпорации будут такими сильными, что не дадут себя в обиду? Или мы сейчас на уровне Совета Европы или ОБСЕ создаем такой комитет?

Проблема в том, что если этого не будут говорить очень высокопоставленные люди или много людей, проблема останется. Около месяца назад электронный водитель сбил человека. Меня

обвиняли в алармизме, говорили, когда соьбьют первого человека, тогда поговорим. Он сбил, при том, что в кабине был оператор, который все видел – это был контрольный выезд. Сколько нам надо жертв, чтобы мы, наконец, поговорили?

Что насчет третьей революции?

Для меня она наименее страшная, а для людей с патриархальным сознанием – наиболее, потому что первая революция вроде даже позитивная, экологическая, вторая – опасная, но тут мы все озабочены. Однако третья разбрасает нас по разные стороны баррикад, потому что это гендерная революция. И это не только про то, что сейчас происходит на разных полюсах общественного мнения. Я про то, что в ряде стран золотого миллиарда сейчас треть молодых людей в возрасте от 14 до 16 лет не до конца определяет свой гендер. Не сексуальную ориентацию, а гендер! То есть они не понимают, какого они пола. Это говорит о том, что произошли какие-то фундаментальные сдвиги на уровне коллективного бессознательного. Когда 15-20 лет назад мы с Игорем Сажиним [правозащитник из Сыктывкара] вели правозащитные семинары, тематика геев и лесбиянок была вообще очень редкой.

Мне-то повезло, я вырос в литературной среде, у меня такие люди не вызывали ощущения чего-то экзотического, мы даже забывали, кто есть кто. В культурной интеллигентской среде также не помнят, кто еврей, кто татарин, кто наполовину казах и так далее. Но я не знал ни одного трансгендера 15 лет назад, а сейчас я знаю несколько десятков, и часть из них регулярно посещает мои семинары в Питере. Для меня трансгендеры – это не абстрактные люди.

Можно возразить, что это мода такая.

Может и правильно. Но когда человек начинает что-то серьезное делать со своим телом – проводить очень тяжелую гормональную терапию, это просто не объяснишь модой. Это не пирсинг сделать, это очень глубинные психологические вещи.

Хорошо, тогда скажут, что это, возможно, вызвано детскими психотравмами.

Возможно. Но тогда такой вопрос: это не связано с тем, что вообще происходит в XXI веке с человечеством? Мы все нездоровы – и они, и мы. Человечество вообще нездорово, в том числе и в своем современном понимании гендера, закрепленном традицией, оно не соответствует тому, что уже бурлит и кипит в бессознательном

человечества и воплощается в разных формах. Для меня гендерная революция неизбежна. Приобретет ли она радикальные формы, когда мужчинам в детстве будут проводить химическую кастрацию или нет? Я шучу процентов так на 20.

Что вообще будет происходить? Может, весь исламский мир объявит войну всему этому. Сложно представить, по какому сценарию перекроится планета, но я жду, что гендерная революция будет самой мощной. Сейчас, если не брать нацистских и ультра религиозных движений, я вижу самую сильную энергию в женских и ЛГБТ-движениях, в них мощь, пафос, готовность идти до конца и жертвовать собой. Это напоминает движение суфражисток конца XIX века, но сейчас это не только женщины, не только против мужчин и вообще и не только против.

Например, для нынешних радикальных феминисток взгляды какого-нибудь патриархального, но правозащитника, ближе, чем взгляды какой-нибудь женщины, вроде Елены Мизулиной. Здесь раздел будет идти по совершенно другим признакам. Возможно, гендерная революция будет подавлена, как множество других до нее.

Возможно, она будет вспыхивать и подавляться снова и снова, это будет длительный процесс.

Я уверен, что подавить ее совсем невозможно, потому что наблюдаю тектонические сдвиги. Если 15-20 лет назад поведение депутата Слуцкого считалось просто нормальным, то сегодня во многих цивилизованных странах это уже практически преступление. Сейчас целая группа юных барышень и не таких юных молодых людей будет проводить кампанию за то, чтобы Россия и Азербайджан подписали Стамбульскую конвенцию против насилия в отношении женщин. Это последние из 47 стран Совета Европы, кто не подписал.

В какой период времени эти революции произойдут?

Десять-двадцать лет.

Отлично, доживем!

Когда я говорю “через десять-двадцать лет”, я имею в виду, что за этот период во всех трех сферах произойдут фундаментальные изменения, настолько сильные, что они не смогут не повлиять на структуру обществ, властей, в том числе и в России. Современный мир не останется таким же, он будет точно изменен. Будет ли он лучше нынешнего, не знаю.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ: ОТКРЫТОЕ ОБРАЩЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОЗАЩИТНИКА К ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ И ВЕРХОВНОМУ КОМИССАРУ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ООН О СИТУАЦИИ В СИРИИ

12.04.2018, Эхо Москвы

Ровно год назад, 9-10 апреля 2017 года, я выступил с «Апрельскими тезисами по Сирии» в связи с применением химического оружия. Сегодняшний рост международной напряженности заставил меня вернуться к этим тезисам и обратиться к Генеральному секретарю и Верховному комиссару ООН по правам человека, отстаивающим безопасность человечества, а не отдельных государств, с призывом незамедлительно инициировать независимое международное расследование.

В случае, если расследование выявит, что сообщения о химической атаке — «фейк», оно даст шанс предотвратить необоснованное военное вмешательство; если же сообщения подтвердятся — виновные должны понести наказание в соответствии с международным правом (при этом необходимо избегать эскалации насилия и любых жертв среди мирного населения, используя потенциал политического разрешения конфликта). Текст своего обращения привожу ниже.

**Открытое обращение международного правозащитника к
Генеральному секретарю и Верховному комиссару по правам
человека ООН о ситуации в Сирии**

Генеральному секретарю ООН
Антониу Мануэлу де Оливейра Гутеррешу,
Верховному комиссару ООН по правам человека
Зейду Рааду аль-Хусейну

Господин Гутерреш! Господин аль-Хусейн!

Обращаюсь к Вам как к лицам, стоящим на страже наднациональных интересов и отвечающим за будущее всего человечества. На наших глазах разворачивается драматическое противостояние

вокруг ситуации в Сирии. Непрерывающиеся боевые действия ведут к гибели тысяч людей; эскалация конфликта может повлечь за собой разрушение основ международного права и ввергнуть мир в Третью мировую.

Вопрос о том, продолжает ли в ходе конфликта применяться химическое оружие, стал предметом манипуляций и недопустимой политической игры. Эта ситуация не нова: аналогичные споры ведутся не первый год, — но никогда еще накал страстей не достигал подобного масштаба. Обвинения в преступлениях против человечества, адресованные режиму Асада, подозреваемому в использовании химического оружия, встречают резкую критику со стороны ряда представителей международного сообщества и, в частности, Сирии и России. Последние со всей категоричностью отрицают сам факт химической атаки, называя его «фальсификацией» и «фейком».

В этих условиях я возвращаюсь к призыву годичной давности: прежде, чем будут развёрнуты военные действия «во имя кары за чудовищное преступление», **необходимо срочно инициировать тщательное и беспристрастное международное расследование инцидента с предполагаемым применением химического оружия.** Проводить расследование должна независимая группа, пользующаяся доверием разных сторон, прежде всего — стран-постоянных членов Совета безопасности ООН. Результаты расследования должны стать основой для действия признанных международных организаций, прежде всего — ООН, а не отдельных стран, политических или военных блоков.

Только активное включение наднациональных структур, переход к глобальной ответственности и международный контроль за действиями политиков и военных, способных несколькими решениями взорвать мир, в силах предотвратить или отсрочить катастрофу.

Поэтому я обращаюсь к Вам, господин Генеральный секретарь и господин Верховный комиссар, с призывом немедленно инициировать международное расследование и запустить механизм международного реагирования в любой приемлемой политической форме.

Я также прошу Вас обратиться к международным гражданским силам с призывом активно включиться в работу по предотвращению

эскалации конфликта и возвращению мира сирийской земле — ради мира на всей планете.

Андрей Юров

СОВЕТ ЕВРОПЫ: СПАСТИ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

11.10.2017, Московская Хельсинкская Группа

Правозащитники Людмила Алексеева и Андрей Юров — совместные тезисы о перспективах Совета Европы

Первый вариант текста — *«Совет Европы: спасти или дать погибнуть? (наброски и размышления)»* был написан авторами в апреле и в окончательной редакции представлен в октябре 2010 года, когда многие из последующих событий, связанных с Правами Человека, верховенством права и демократией в Европе, можно было лишь робко предсказывать.

С тех пор прошло семь лет. Семь тяжёлых лет. Новые войны, новые разорённые территории в центре Европы, новые массовые репрессии видоизменившихся режимов, новые вызовы самой идее общеевропейских институтов с твердыми правилами и стандартами. Мы оказались на грани полной эрозии международного права и, похоже, готовы смириться с крахом поддерживающих его институтов.

Вызовы всем трем главным «сферам и ценностям» Совета Европы — Правам Человека, верховенству права и плюралистической демократии — столь сильны, что, может быть, стоит уже не пытаться сохранить их «высокие стандарты», а ухватиться хоть за что-нибудь, что ещё можно сохранить... И прекратить думать о развитии, перейдя в глухую оборону. Впрочем, это — путь тления и распада.

I

СОВЕТ ЕВРОПЫ УМИРАЕТ

Это было понятно еще семь лет назад.

И если тогда мы думали, что это может быть «не очень заметно некоторым сотрудникам структур Совета Европы, или некоторым политикам, или гражданам некоторых стран (некоторые, возможно,

даже не помнят о самом факте существования Совета Европы)», — то теперь мы убеждены, что это очевидно всем, кто хоть как-то соприкасался с этой структурой в последнее десятилетие.

Мы говорили, что «по политическому влиянию Совет Европы начинает постепенно уступать на региональном уровне уже не только новому фавориту, Евросоюзу, но многим другим региональным инициативам, акторам и объединениям», а сейчас скажем — он стал большим (впрочем, уже не очень большим) искусственно питаемым симулякром, вызывающим у серьезных политиков и дипломатов неприкрытую усмешку.

Мы писали, что «Совет Европы как структура потерял привлекательность для огромного числа стран и постепенно уходит в тень. И уже сейчас, кроме работы Европейского Суда, граждане многих стран Европы почти ничего не знают про Совет Европы. И многие неправительственные организации утратили интерес к структурам Совета Европы, понимая, что там, в отличие от Евросоюза, не только очень мало ресурсов, но и почти никакого реального политического влияния». Сегодня это уже звучит как банальность и общее место.

Далее, семь лет назад мы предупреждали об опасном явлении, говоря о том, что «в пространстве Совета Европы запустился активный процесс саморазрушения по 3-м линиям:

- разделение стран Европы на членов Евросоюза и не-членов, и соответствующий перенос всей «европейской повестки» исключительно в пространство Евросоюза, что ослабляет Совет Европы и другие подобные европейские проекты, провоцируя пренебрежение к ним;
- размытие самих основных линий, на которых изначально был построен Совет Европы – права человека, верховенство права и демократия – и уход в более общие или, наоборот, более частные и всех устраивающие «вегетарианские» темы, которые уводят от вопроса об обязательности следования трем главным линиям и позволяют различным, часто не очень демократическим режимам оставаться членами Совета Европы как «клуба джентльменов», но при этом уже не уважать главные принципы и правила этого клуба и не следовать им;
- сверхтерпимое отношение к нарушениям основных принципов и стандартов рядом стран, прежде всего – Центральной,

Восточной и Юго-Восточной Европы, что разрушает саму систему, основанную на единых и универсальных принципах и стандартах: либо стандарты потихонечку размываются и их уровень понижается практически официально; либо же на словах эти стандарты остаются все столь же высокими, но становятся как бы необязательными, или обязательными не для всех».

Сейчас мы наблюдаем результаты этого процесса, и они отразились на судьбах миллионов европейцев и беженцев — от Каталонии до Курдистана и от Лампедузы — до Луганска.

И если семь лет назад мы считали совершенно очевидным, что «без серьезнейшей реформы самого Совета Европы, и — что особенно важно — без пересмотра позиций самих стран-участниц по отношению к Совету Европы, смерть его неизбежна», то сейчас мы видим, что реформа провалилась, либо она затронула только бюрократические структуры, не изменив самого важного — способности этих структур отвечать на вызовы современности. И, скорее всего, это произошло не из-за ошибок отдельных политиков внутри советско-европейских структур, а из-за отношения к Совету всех стран-членов. Из-за слепоты. Или из-за лени. Или из-за неверия в такие структуры на современном этапе развития «большой Европы» от Рейкьявика до Анадыря.

II СОВЕТ ЕВРОПЫ УНИКАЛЕН

И в этом смысле за семь лет ничего не изменилось: ничего подобного ему нет не только на европейском континенте, но и во всём мире.

Не только потому, что система защиты прав человека в рамках Совета Европы возникла еще в 1950-м году — всего лишь через два года после принятия Всеобщей декларации прав человека в системе ООН, и уже не как «декларация», а как один из самых эффективных и доказавших свою работоспособность механизмов, закрепленных Конвенцией. Именно в форме Европейской конвенции по правам человека и Европейского Суда система Совета Европы стала своеобразным символом (даже, если хотите, — «брендом») международного правосудия в сфере Прав Человека.

И не только потому, что именно Совет Европы изначально формировался как «клуб настоящих джентльменов», как союз достойных, как сообщество демократий — т.е. членство в нем означало некий «демократический знак качества», и имело важное символическое значение.

Но, прежде всего, — потому, что есть три позиции, делающие Совет Европы не просто уникальным, а абсолютно незаменимым.

- Совет Европы объединяет «всю большую Европу» — не «малую» (как, например, Европейский Союз), и не «сверх-Европу» (как, например, ОБСЕ), а именно «политическую Европу» — от Исландии и Гренландии до Чукотки. Именно поэтому Совет Европы до сих пор является своеобразным «европейским мостом» между Востоком и Западом, причем мостом не переговорным и дискуссионным, а правовым, обладающим стройными и прочными политическими институтами.
- Совет Европы — это организация, которая создана для поддержания общего пространства ценностей, а не общего рынка, отдельных экономических или иных интересов отдельных стран или их блоков. В его основе лежат три стройных «абсолютных» приоритета, на которых должны строиться не только сам Совет Европы и все его институты и «колонны», но и большинство других европейских инициатив:
 - Права Человека;
 - верховенство права;
 - плюралистическая демократия.
- Совет Европы предлагает не только ценностную идеологию для новой «большой» Европы, но и четкие стандарты и механизмы, в том числе формирующие Новое Общее Европейское Твердое Право (в отличие от ОБСЕ и других подобных структур). И это далеко не только Европейская Конвенция по правам человека и другие конвенции, не только Европейский Суд и Европейская социальная хартия — это и Венецианская комиссия и многие другие механизмы, ставшие рабочими инструментами уже не только для Европы, но и для стран других континентов.

III

ЗАЧЕМ НУЖЕН СОВЕТ ЕВРОПЫ?

Здесь за семь лет также почти ничего не изменилось.

Даже если Совет Европы уникален, многие из его инициатив давно подхвачены другими структурами и инициативами. Зачем тогда за него так уж «цепляться»?

Почему нам так важно сохранить Совет Европы, вопреки естественно происходящему процессу его отхода на второй план, на «запасные пути»? Стоит ли прилагать огромные усилия для возвращения этой организации в состав ведущих европейских и мировых игроков?

1. Нам необходим прочный, именно европейский мост «Восток-Запад». Нам кажется не только нежелательным, но и очень опасным процесс разделения Европы на «Западный проект» (Евросоюз) и все остальные страны, не вошедшие в «лигу избранных» и являющиеся территориями «второго сорта». И в этом смысле Совет Европы является единственной реальной, институциональной и имеющей более долгую историю альтернативой евросоюзо-центричному подходу к Европе.
2. Три базовых принципа/цели/пространства Совета Европы — Права Человека, верховенство права и плюралистическая демократия — для многих стран Центральной, Южной и Восточной Европы сейчас снова крайне важны и снова находятся под угрозой. И именно сейчас особенно важно вернуться к чётким стандартам в этих сферах — в противном случае придёт пора надолго о них забыть.
3. С помощью европейского правового пространства, задаваемого Советом Европы, можно заставить работать уже созданные механизмы продвижения Прав Человека, верховенства права и принципов демократии – не формируя новые, а совершенствуя те, что уже обладают огромным авторитетом, опытом и ресурсами — на всех трех уровнях: международном, региональном и национальном.

А это означает, что имеющиеся механизмы и структуры Совета Европы нужно не размывать и ослаблять, а укреплять и поддерживать. И в этом — чуть ли не единственный залог сохранения и развития духа верховенства права во всей «Большой Европе».

IV ДРУГОЙ МИР ВОЗМОЖЕН

Семь лет назад мы полагали, что реформа Совета Европы возможна, но «лишь в том случае, если ее поддержат не только собственно структуры Совета Европы или национальные правительства, но и граждане Большой Европы. Даже не представительные органы, избираемые гражданами, и даже не только влиятельные международные НПО (неправительственные организации), созданные самими гражданами, а собственно граждане».

Этого не случилось. Если десять лет назад ещё, возможно, и были, то сейчас уже точно нет никаких «граждан Большой Европы», так же, как и «институт гражданства Евросоюза» испытывает огромные трудности.

Нет никакого сильного светского солидарного гражданского общества Большой Европы. Есть отдельные мечтатели — общественные деятели, интеллектуалы, политики, студенты... Но у них сейчас нет ни видения этой новой Большой Европы, ни сил для продвижения такого видения, ни даже возможностей начать общеевропейскую дискуссию по этому поводу.

Всё отдано политикам, и прежде всего — популистам, новым глашатаям «суверенитетов», «реальной политики» и «национальных интересов». Но для них Совет Европы — лишь один из десятков инструментов (и, кстати, не очень подходящий), лишь трибуна, лишь возможность политических игр вокруг комитетов ПАСЕ и тех или иных «инициатив» Секретариата.

Но мы понимаем, что без идеи «Большой Европы», скрепленной единым и гуманным Правом, общими «правилами игры» и общими ценностями, на этом пространстве и, более того, во многих соседних частях света, не будет ни мира, ни прогресса, ни надежды на достойное развитие человечества.

V АГЕНТЫ БУДУЩЕГО

Можем ли мы спасти Совет Европы? Можем ли что-то сделать? В какую сторону двигаться?

Мы должны стать агентами Будущего. Того самого будущего, которое может никогда не наступить, если человечество свернет в сторону упрощения, популизма и агрессии, но которое всё же возможно.

Для этого нам необходимо сосредоточить усилия на трёх вещах.

1. Единственный шанс на спасение Совета Европы — это очень чёткое и последовательное возвращение к трём главным приоритетам для всего региона в целом:

- Правам Человека,
- верховенству права,
- плюралистической демократии

— и препятствование их постоянному размыванию, «смягчению» и откладыванию в сторону в угоду сиюминутным политическим интересам или ставшим модными вопросам.

Жёсткое следование намеченной стратегии по этим трём линиям — залог сохранения Совета Европы как уникальной и незаменимой структуры.

Особое внимание при этом должно быть уделено проблемам, связанным с поддержкой и защитой гражданского общества, без решения которых невозможны ни защита прав человека, ни утверждение верховенства права, ни развитие плюралистической демократии.

2. Активное взаимодействие с другими «европейскими проектами» — ОБСЕ, Евросоюзом и другими — именно в отношении перечисленных трёх приоритетов. Причем Совет Европы должен играть в этом взаимодействии лидирующую и проактивную роль, а не следовать в фарватере других структур. В этом случае влияние Совета Европы будет расти, а не размываться.

3. Укрепление роли свободного и солидарного гражданского общества. Именно гражданские инициативы, как никакие другие акторы, должны стать самыми последовательными, смелыми и креативными сторонниками серьезных переосмысления и «перезагрузки» Совета Европы, а главное — усиления его роли в Европе.

Мы по-прежнему убеждены, что именно от граждан Европы должен зависеть облик Совета Европы. Нам надо выработать общие позиции и донести их до всех, кто ещё способен слышать и понимать. Нам необходимо сформировать сильное и авторитетное сообщество сторонников и союзников «Большой Европы». И начать действовать. Следующих семи лет у нас уже нет.

Людмила Алексеева, председатель Московской Хельсинкской

Группы, почетный председатель Общественного совета международного Молодежного Правозащитного Движения, лауреат премии ПАСЕ им. Вацлава Гавела за вклад в защиту прав человека 2015 года

Андрей Юров, член Совета Международной гражданской инициативы для ОБСЕ, председатель Общественного совета международного Молодежного Правозащитного Движения, координатор рабочей группы по положению правозащитников Конференции международных НПО Совета Европы

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ КАК ВЫЗОВ ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

07.08.2017, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека

На заседании рабочей группы «Гражданское общество» Форума «Петербургский диалог», состоявшемся в Москве 16 июня 2017, было представлено два доклада – по одному от представителей немецкой и российской стороны. Выступавший от лица Германии Гидион Ботч представил доклад на тему «Правый популизм как вызов гражданскому обществу». Меня, в свою очередь, попросили прочесть доклад «Правый популизм как вызов Правам Человека».

Прежде всего, мне бы хотелось отметить некоторые проблемы, которые у меня возникли в связи с самой подготовкой доклада. Во-первых, потому, что выступавший передо мной докладчик – политолог, эксперт по правому популизму, и прозвучавший доклад был очень качественен и точен, мой же — скорее абстрактен и не подкрепляется качественной эмпирикой. Во-вторых, потому, что сам я – напротив, не политолог, я – практикующий правозащитник, в некоторой степени социальный философ, и вызовы правого популизма сейчас достаточно далеки от сферы моих сегодняшних прямых профессиональных интересов. В-третьих, правый популизм зачастую воспринимается как явление, сочетающее в себе популизм как метод и правую ориентацию как некую политическую идеологию; но это сочетание в настоящий момент характерно скорее для Запада, чем для постсоветского пространства, поскольку здесь мы сталкиваемся с иными «правыми» проявлениями, не с популизмом в собственном смысле слова; то есть обсуждаемая трактовка

релевантна скорее на запад, чем на восток от Бреста, а если учесть, что я плохо разбираюсь в социальном устройстве «западных стран», мой доклад приобретает ещё более умозрительный характер.

Говоря о вызовах, которые правый популизм бросает Правам Человека, важно понимать, что эти вызовы касаются не столько ежедневной правозащитной практики, сколько самой идеи Прав Человека. Проблема усугубляется тем, что сама система Прав Человека в настоящий момент находится в глубоком, глубочайшем кризисе, и правый популизм кидает дополнительные «камушки» на чашу разрушения существующих представлений о правозащитных ценностях и институтах, усиливая дисбаланс на хрупких весах трендов развития человечества.

Фундаментальные Права Человека отличают несколько важных принципов, включая три, важнейшие для нашего обсуждения.

Первый – универсальность. Он означает, что, когда мы произносим словосочетание «фундаментальные Права Человека», мы имеем в виду, что эти права «одинаковы» для всех стран (то есть имеют универсальные стандарты). Если нельзя пытаться в Англии, то точно так же нельзя пытаться в Турции, точно так же нельзя пытаться в Украине, точно так же нельзя пытаться в России, точно так же нельзя пытаться в Германии. То есть мы утверждаем, что должны быть некие минимальные стандарты, соблюдаемые каждым государством.

Второй – всеобщность, «для-всех-ность». Мы утверждаем, что фундаментальные права должны соблюдаться для всех, вне зависимости от статуса: гражданин, не гражданин, турист, студент, легальный, нелегальный мигрант и т.п., – эти вопросы мы в принципе не рассматриваем. Есть другие права, и тоже очень важные, которые действительно зависят от гражданских статусов (например, некоторые социальные и культурные права действительно связаны с «гражданством»), но фундаментальные права действуют абсолютно для всех.

И третий: фундаментальные Права Человека «надсуверенны», а потому – вне политики. Соблюдение и несоблюдение фундаментальных прав не может определяться тем, какая партия контролирует парламент или правительство. В зависимости от того, например, правые или левые находятся у «руля», соблюдение некоторых социальных прав, гарантий и льгот может реализовываться по-разному; это связано с приоритетами бюджета и так далее. Но

когда мы говорим про фундаментальные Права Человека, мы стоим на том, что это «гуманистическая константа», которая не должна меняться, кто бы к власти ни пришел, включая правых популистов. И здесь я предлагаю перейти к нескольким пунктам, которые, с моей точки зрения, характеризуют популизм в целом и правый популизм в частности.

1. Как и любой другой, правый популизм основан на упрощении. Он предлагает упрощённые схемы и модели. Например, интеграция мигрантов — сложна. А стену построить — просто. Вот просто — возводим стену и говорим: стена решит все вопросы, мигрантов больше не будет (неважно, идёт ли речь о стене с Мексикой или о договорённости Евросоюза с Италией или Турцией). Мы строим некую стену, физическую или не физическую, и таким образом решаем проблему (о том, что потом эта проблема станет ещё страшнее, мы предпочитаем умолчать). Мы предлагаем простую модель, которая кажется очевидной. Или, Международное право, международная система защиты Прав Человека — это сложно: сложные договорённости, выстраданные годами, сложные институты... А популизм заявляет: давайте говорить исключительно о сиюминутной «целесообразности» и выгоде, решать всё здесь и сейчас! Многих это подкупает.

2. Правый популизм культивирует границы. Любые границы. И этому сопутствует постоянная игра на стереотипах и страхах. Правый популизм всегда акцентирует внимание на географических, политических, этнических, религиозных границах; отсюда постоянный разговор про суверенитет и территориальные интересы. Очевидно, что таким образом идёт разрушение идей универсальности и всеобщности. Причем, как ни странно, мантра про суверенитет прекрасно сосуществует с идеей военной агрессии. То есть, с одной стороны мы видим бесконечный нарратив о том, что нужно оукклиться, построить границы и охранять суверенитет, а с другой — этот же самый нарратив, парадоксальным образом перетекает в призывы к экспансии, к пере-установлению границ, при этом — продолжая

возвеличивать саму идею границ. Неважно, захват это Судетов, аншлюс Австрии или что-то ещё, — на всех этих примерах видно, насколько одно не мешает другому!

3. Это явление я назвал бы так: интересы против институтов.

Правый популизм всё время подрывает институты, он говорит: институт — это сложно, политическая элита — «зажралась», все эти суды, все эти сложные межнациональные институции — зачем они? Вот есть простые интересы — давайте исходить из них! Так рождается пренебрежение правом, сложными договорённостями и, среди прочего, сложными демократическими институтами.

4. Явление, характерное, пожалуй, для любого популизма, но для правого в особенности, — это культ силы и напора. Я бы не говорил про открытый милитаризм, но решительность и бескомпромиссность превозносятся в правом дискурсе вне всякого сомнения. Всё остальное — мягкие, «либеральные» подходы, переговоры, поиск сложных и комплексных ответов — воспринимается как слабость. Рефлексивный и сложный — значит слабый. И это, естественно, бросает вызов всем методам защиты Прав Человека, поскольку концепция Прав Человека сложна и основана не на жестком напоре, а на сложных договорённостях.

5. Постоянное воззвание к традициям и традиционным ценностям, краеугольный камень правого популизма (заметим в скобках, что зачастую эти «традиционные ценности» никогда таковыми не являлись, а придумывались прямо по ходу). Правый популизм стремится объявить вечными и неизблемыми «традиции», выгодные ему в данный конкретный момент. Иногда это доходит до абсурда — например, правый популист в Нидерландах объявляет: для нашей культуры было всегда характерно терпимое отношение к ЛГБТ, а «понаехавшие» исламисты не уважают наших геев.

6. И, наконец, — культ порядка и безопасности (где безопасность носит силовой, милитарный характер, как правило, сопровождаясь фобией «хаоса»). Для правого популизма и внешние, и внутренние враги плохи прежде всего тем, что якобы «несут хаос», «раскачивают лодку», «подрывают стабильность».

В завершение хочется сказать, что рост популярности правого популистского подхода бросает серьёзный вызов правозащитным подходам — и прежде всего не на Востоке, а на Западе, поскольку покушается на идеи, которые были в значительной степени выстраданы именно там. Поэтому нужен очень серьёзный, комплексный ответ со стороны гражданского общества. Не только правозащитного, но именно широкого гражданского общества, включающего гражданские институты, СМИ, академическую среду

и так далее — потому что правый популизм — это то, что бросает вызов самим гуманистическим идеям, а современная система Прав Человека основана именно на них.

УРАГАН «ГУЛАГ»

30.10.2017, Эхо Москвы

Публикую черновик первой главы текста-размышления к 80-летию Большого Террора.

Отношение к трагическому прошлому любой территории и любых народов — вовсе не удел «историков». Такое отношение неизбежно определяет и настоящее, и будущее. «Общее прошлое» постсоветских стран, где, кроме Второй Мировой войны, подобным системообразующим явлением стал условный «сталинский режим» (для некоторых регионов — только с 1939 года), не является исключением. И наша способность впустить это переживание в индивидуальное и коллективное сознание, готовность «работать» с этим пластом нашей истории и психики будет определять нашу жизнь ещё многие десятилетия.

Глава первая. Жертвы и палачи

«...всего лишь отдельные люди, объекты исторического процесса, и в мире державной мысли им пока места нет, разве что самым знаменитым, у подножья вознесённых над толпой царственных идолов произвола и смерти...»

Вениамин Иофе

Говоря о терроре и его последствиях, мы до сих пор исходим из разных, порой — полярно противоположных картин случившегося. Взаимоисключающие версии событий сосуществуют не только в официальном нарративе, но, очень часто, и в головах отдельных людей. Особенно ярко это проявлялось в недавнем прошлом в беседах с очевидцами террора: один и тот же человек мог часами описывать свой опыт 1930-х и вдруг «споткнуться» о XX Съезд, объявивший, что «был какой-то ужас, но мы ничего не знали!», и

начать повторять эту фразу, как мантру, не замечая, что весь его предыдущий рассказ вопиет об обратном: знали.

1. «Ни жертв, ни палачей»

Эта версия событий, рождённая ещё в 1930-е, пережила все перипетии 1950-60-х, и даже 1980-х и 1990-х годов, оказавшись удивительно живучей. «Настоящих жертв, то есть невинных, было мало. Преследовались и репрессировались реальные враги и недоброжелатели режима — или же конкуренты Сталина в борьбе за власть. Следовательно, не было и палачей, были лишь более-менее искренние и честные исполнители. Отдельные садисты, которые получали удовольствие от зверств, были скорее редким и незначительным исключением». Позитивный образ Сталина, вернувшийся на телеэкраны в 1970-х — первой половине 1980-х годов, хорошо отвечал этой установке. Думаю, значительная часть населения современной России с радостным облегчением сошлась бы на этом «консенсусе».

2. «Есть жертвы, но нет палачей»

Следующая позиция — кажется, наиболее любима властями постсоветской России. «Мы реабилитируем жертв, даже и рассказываем об ужасах тоталитарного прошлого, но палачей как бы нет. В крайнем случае — несколько давно умерших советских лидеров, о которых всё равно лучше вспоминать как о «приспешниках режима», а не собственно палачах, издававших и исполнявших изуверские распоряжения. Разговор о палачах может породить ненужный раскол в обществе». Это концепция «коллективной безответственности»: не виноват НИКТО. В стране прошло стихийное бедствие. УРАГАН с непонятным именем. Наводнение. Землетрясение. Жертв немало. Но никто и ни в чём не виноват — разве что в «халатности» ... Такая позиция продолжает с невероятным упорством навязываться общественному мнению теми, кто наделен возможностью говорить во всех ведущих медиа.

3. «Нет жертв, есть палачи»

Эта версия исторической памяти исходит из того, что большинство жертв сами на предыдущем этапе активно и с воодушевлением поддерживали палачей или были таковыми. «Все, кто не оказал достаточного — хотя бы морального — сопротивления формирующемуся тоталитарному режиму, являются «помощниками палачей» и не могут считаться невинными жертвами». Эта версия

представляется несколько упрощенной и слишком «чёрной», отмечающей возможность существования в те годы людей, непричастных не только к насилию, но даже и к пассивной поддержке сформировавшейся в стране системы. Тем не менее, существование такой точки зрения важно и неизбежно влияет на общий контекст.

4. «И жертвы, и палачи»

Это — самая сложная позиция, подразумевающая, что мы все в той или иной мере наследники и тех, и других. И дело не в том, что нередко вчерашние «палачи» вдруг становились новыми «жертвами», и даже не в том, что во многих семьях, «так уж получилось», по одной линии были сплошь репрессированные и униженные, а по другой — организаторы и исполнители массового насилия, выжившие, награждённые и пригретые властью. Дело в том, что вся наша культура — наследие и тех, и других, и, более того, — эти наследия продолжают жить в разных мирах, порождая разные (в том числе индивидуальные или семейные) версии прошлого, а следовательно — разные варианты будущего.

Никакого «примирения», а уж тем более консенсуса не наступило. Нет даже попыток его достичь, если не считать таковыми полное замалчивание темы, превращение музеев жертв в музеи «почётных исполнителей» или же признание преступных практик «всего лишь стихийным бедствием», ответственность за которое можно и нужно переложить на некие «объективные обстоятельства» — безликую Природу.

ПРЕКРАТИТЬ ЖИТЬ «ПРИ ОБАМЕ», НАЧАТЬ ЖИТЬ ПРИ СЕБЕ САМОМ

20.07.2017, 7x7

Член Совета по правам человека при президенте России Андрей Юров 15 июля говорил с участниками кировского баркемпа о солидарности. Помимо философских и гуманистических рассуждений, спикер высказался на темы миграции, геополитики и просвещения. «7x7» представляет расшифровку выступления правозащитника.

«Сейчас надо либо валить, либо уходить в бизнес»

Я, в общем-то, не собираюсь читать вам какие-то лекции, какими-то откровениями с вами делиться. Я смотрю на выставку Рериха и понимаю, что мы собрались для чего-то другого. Я, правда, пока не понимаю, для чего именно.

Тут было вступительное слово одного из организаторов этой галереи. И там был важный момент о том, что пришло время посмотреть на все это метафизически. Вот я и хочу это сделать.

Я скажу несколько слов о том, кто я такой. Я не настолько важная персона, чтобы быть уверенным, что кто-то где-то про меня читал, погуглил заранее. К счастью, нет, я — частное лицо, не очень, к счастью, известное, потому что иначе все это было бы совсем грустно.

Во-первых, я лет уже 30 занимаюсь правами человека. То есть я застал то время, когда за это дело сажали. В 1987–1988 годах я был юным студентом, диссидентом, и пошел я в это не потому, что со мной персонально что-то случилось. Ничего подобного — я был успешным студентом-физиком и собирался всю жизнь заниматься физикой, потом почему-то занялся литературой, а потом вдруг решил, что надо заниматься самиздатом, распространять такие тексты, как «Архипелаг ГУЛАГ». Короче, это был такой интеллектуальный порыв, не имеющий никакого отношения к каким-нибудь правовым обидам, несправедливостям, которые происходили, например, на моей улице или в моем городе.

Это довольно любопытно — наблюдать, как начиналось все тогда, когда людей еще за это сажали, но уже тренд был совершенно в другую сторону. То есть было понятно, что все скоро станет лучше, свободнее, скоро это будет не самиздат, а официальное издание, скоро никого за это не будут арестовывать. И было ощущение, что скоро все будет хорошо.

Сейчас, 30 лет спустя, тренд прямо в противоположную сторону. Когда меня спрашивают, что делать и что нас ждет в ближайшие годы, я, к сожалению, говорю, что ничего хорошего. В ближайшие шесть-семь лет будет очень плохо и будет значительно хуже, чем сейчас. Поэтому всем, кто занимается такими темами, как права человека, гражданское общество и так далее, я в открытую говорю: надо либо валить, либо уходить в бизнес или куда-то еще. Потому что пережить эти семь лет будет тяжело, почти невозможно. Такое вот безнадежное у меня ощущение. Подчеркиваю: 30 лет занимаюсь

этим делом и наблюдаю разные тренды, волны, всплески, падения.

«Да, мы все вытерпим»

Я буквально вчера ехал по Москве на такси. А Москва сейчас — вы, наверно, видели эти прекрасные картинки — превращается в настоящую реку. Потому что когда Собянин сменил асфальт на свою плитку, то противоливневую канализацию забыл проложить. Люди в центре Москвы ходят по колено, а иногда и по пояс в воде — когда дождь идет. Так сейчас устроена современная Москва. Более того, она вся перекопана, потому что решили сократить все центральные улицы: то есть расширить пешеходные дорожки и сократить Садовое, например, на одну-две полосы. Москва теперь даже в субботу и воскресенье — всегда девять баллов пробки. Что будет в сентябре, я просто не знаю, когда все вернутся.

И я спрашиваю таксиста. Он ругается страшно. А я его спрашиваю: мне просто интересно, у меня нет машины, я не москвич — а вы все это и дальше будете терпеть? То есть будете стоять в девятибалльных пробках теперь всегда, с семи утра до десяти вечера? На что он сказал: «Ну да, мы все вытерпим, мы такие вот. Мы будем это терпеть бесконечно. Никто не возмутится никогда, потому что мы считаем, что нет никакой надежды, что что-то изменится, что нас услышат и что-нибудь случится в хорошую сторону. В плохую — да, верим. В хорошую — не верим».

Для меня это очень интересные признаки того, что я вижу. Несмотря на эти бесконечные статьи о том, как тинейджеры вышли на улицы, что нас ждет прекрасное будущее, молодежь проснулась. Несмотря на все это, я вижу совершенно другие признаки. Хотя, может, я просто старый пессимист и не вижу ростков всего самого прекрасного, что есть на свете.

«Когда мне мои же родители рассказывают истории про Крым, мне не смешно»

Я последние 30 лет занимаюсь правами человека даже не столько в России, сколько на всем постсоветском пространстве. Я бывал в разных международных наблюдательных миссиях: в Грузии в 2008-м, во время очень неприятных событий на юге Кыргызстана, в Оше, в 2010-

м, в декабре 2010-го в Беларуси, когда там был очень жесткий разгон митинга и потом массовые аресты журналистов, правозащитников, адвокатов. Потом почти три месяца в украинской ситуации конца 2013-го — начала 2014 года.

Потом я оказался совершенно случайно 27 февраля 2014 года в Крыму, и, собственно, на моих глазах происходило то, что происходило. Я, к сожалению, видел немножко другую вещь — не ту, которую показывали по телевидению. Я видел, как моих знакомых, друзей тащили в подвалы так называемой организованной самообороны и в каком состоянии они оттуда выходили. Только за то, например, что они смели возлагать цветы к памятнику Шевченко. Короче, я видел другую сторону всего этого. Я это видел своими глазами. Поэтому когда мне мои же родители рассказывают истории про Крым, мне не смешно, мне очень горько. Я понимаю, то, что они рассказывают, что видят в телевизоре, не имеет никакого отношения к тому, что я видел своими глазами. А я видел многое — с разных сторон. Я имею в виду не то, что там был кто-то хороший, а кто-то плохой. Просто там было много разного.

«Вы учите тому, что есть сами»

Второе, чем я занимаюсь, — образованием в области прав человека и гражданского просвещения. Есть Международная школа по правам человека, которой я тоже много лет занимаюсь, у нас в разных городах проходят мероприятия, но вот так случилось, что ни разу ничего не было в Кирове. Когда-то я занимался журналистикой. Короче, занимался я самыми разными вещами, связанными с развитием гражданского общества и прав человека. Это чтобы вам было понятно, о чем мне можно задавать вопросы.

Это название [выступления] — про солидарность, которой не учат по учебникам, — оно родилось из интервью — у меня брали интервью примерно две недели назад из «Коммерсанта». Это было большое интервью о том, что делать с гражданским правозащитным образованием. Журналистка изучила, как это происходит в Совете Европы, что происходит с программами для школ, вузов, — и начала задавать вопросы: как я вижу, нужно ли вводить такой предмет, как права человека, в школе. На что я ей сказал: ни в коем случае. Не дай бог, если в школе будет такой предмет, как права человека. Или,

не дай бог, гражданская активность. Или гражданское самосознание.

А «не дай бог» по одной простой причине: я не понимаю, кто этот предмет будет преподавать. То есть если его будут преподавать те самые учителя, которые сидят в избирательных комиссиях и все фальсифицируют, то не надо, пожалуйста. Потому что мы будем плодить ложь бесконечную. Потому что прежде всего человек предъявляет не формальные слова, заученные из учебника, а самого себя.

Когда-то, по-моему, в 2000 году, я был на тренинге одного известного — фамилию, конечно, сейчас не вспомню — преподавателя и тренера из ЮАР, который работает с разными меньшинствами, группами. Он сказал мне одну фразу, которая... скажем так, я так думал всегда, но бывает, что кто-то скажет — и думаешь: блин, как он сформулировал то, о чем я всегда думал, но не мог выразить словами. И это была даже не его фраза — он кого-то цитировал, и я уж тем более не вспомню, кого — он произнес одну важную фразу для меня, человека, который работает с просвещением. Он сказал: You teach who you are — «Вы учите тому, что есть сами». Вы учите не тому, что вы знаете, умеете, вы учите не тому, что вы делаете формально. Вы учите тому, что вы есть. Учитель в школе предъявляет самого себя. Он предъявляет свою личность: увлеченность предметом или лень по поводу этого предмета, скуку. Он предъявляет себя как активного человека, который готов противостоять несправедливости в школе, или как лояльного учителя, который всегда слушается директора и не смеет ничего возразить.

То есть на самом деле мы именно это воспринимаем. Учебники мы на фиг забываем. Да не помним мы уже через год ни алгебру, ни географию, ни геометрию — ни хрена нам это не нужно. И если учитель литературы был увлеченным человеком, мы помним те два-три произведения, о которых он рассказывал — или она рассказывала — с воодушевлением. Если это была скучотища, то мы так и помним, что этот предмет — набор чудовищной скучотищи, за которую нас дрючили. Ничего другого мы не запоминаем — это нормально.

«Преподавание культуры православия — наш шанс снова стать светским государством»

Вообще, в любом образовании, просвещении, даже в таких

сферах, как физика, математика, точные науки, личность ученого, преподавателя, с моей точки зрения, играет значительно большую роль, чем его формальные знания. Хотя, конечно, если он тупица и ничего не знает, это не восполнить никакой личностью. Но если мы передаем другие вещи, связанные с ценностями, а права человека — это не про формальное соблюдение Конституции, которая, извините, давно не соблюдается. Права человека — это убежденность в том, что она должна соблюдаться, что когда-нибудь наступит день, когда она начнет соблюдаться, а те, кто ее не соблюдал, окажутся на скамье подсудимых, в том числе и судьи, которые выносят абсолютно неправовые и бессудные приговоры — вот они окажутся когда-нибудь на скамье подсудимых. Это должно случиться — даже если это не случится никогда — мы должны в это верить. Иначе все бессмысленно. Иначе рассуждения о правах человека не имеют никакого смысла.

Да, мы знаем, что Конвенция европейская [о правах человека] ни хрена не соблюдается или соблюдается на 10%. Вопрос в том: мы верим, что она должна соблюдаться, и мы хотим построить такое общество, где она будет соблюдаться, или мы хотим сложить руки и сказать: да, ничего не соблюдается, все бессмысленно, права человека — набор бессмысленных статей, каких-то слов, и вообще, место Всеобщей декларации прав человека — в сортире, повесить на двери и, соответственно, иногда на нее смотреть, а иногда использовать по назначению, когда другой бумажки нет.

Понимаете, вопрос в нашей вере. И для меня именно это имеет какой-то смысл. И именно поэтому я категорически против, чтобы какие-то предметы, требующие личного мужества, личного отношения, личной позиции преподавались современными учителями в наших современных школах или вузах.

Кстати, я очень доволен, что наконец-то у нас преподается культура православия и так далее. Это шанс, что страна снова станет атеистической. Я не атеист, но это шанс свободомыслия. Потому что те уроды — извините — которые приходят в школы, большинство из них — бывают замечательные священники, бывают совершенно увлеченные люди, но их единицы, которые приходят в школы и действительно говорят о настоящем, не о формальном православии, а о духовном: о том, что возникает между людьми, о том, что возникает на этой планете, — таких очень мало, 3 процента.

Все остальные сталкиваются с формальными людьми, которых просто заставляют это делать. Они сами в это не верят, им все это по фигу, но их заставляют — вот они эту свою вымученность передают детям. Может быть, это залог свободомыслия — когда-нибудь, когда дети действительно возмутятся и скажут: ну сколько уже можно!

Мне бы не хотелось, чтобы то же самое случилось с правами человека и дети потом вспоминали, что это какое-то дерьмо, ложь, мерзость, о которой даже слышать не хочется. Пускай лучше это будет полузапрещенная вещь, за которую сажают, объявляют иностранными агентами, не пускают в вузы — вот пускай она такой и останется. Она останется честной, эта сфера.

«Больше тюрем, больше полиции, больше насилия!»

Про солидарность. Я размышлял на эту тему и вдруг понял, что особенно здесь, сидя в этом зале, вокруг картин Рериха или чего-то, посвященного Рериху и всевозможным философским учениям, мне пришло в голову, что сейчас для развития страны и не только очень сильно не хватает солидарности во многих смыслах. Я сейчас поясню. Может, многие из вас читали книжку Фукуямы — я, вообще, не большой его фанатик, тем не менее в его знаменитой статье «Конец истории» он прав был только в названии. Все остальное было, к сожалению, абсолютным бредом: он решил, что в конце 1980-х — начале 1990-х заканчивается эра тоталитаризма и наконец наступает эра либеральной демократии во всем мире. Он полностью просчитался. Все наоборот. Мы имеем тоталитарный откат по всему миру: от Китая до Соединенных Штатов. Просто облажался мужик вообще по полной.

Но у него есть много замечательных вещей, и одна из самых замечательных экономических книг, которые, с моей точки зрения, надо читать, называется «Доверие», где он показывает, что в тех обществах, где есть сильное доверие между людьми, экономика очень быстро растет, потому что очень маленькие издержки. Если мы посчитаем, сколько мы тратим на охрану...

Сколько у нас охранников в стране, как вы думаете? Сколько их миллионов? Я могу сказать только одно: нет ни одной страны в Европе, где на душу населения приходилось хотя бы в два раза меньше охранников, чем у нас. То есть там в 5, 10, 20 раз меньше.

При этом безопасности у нас, как вы понимаете, не больше. Но это не потому, что охранники плохие или хорошие, а потому, что мы настолько не доверяем друг другу, что мы хотим охранника посадить в каждый подъезд, на каждую лестничную площадку, даже желательнее в каждую семью — ну а как еще от домашнего насилия защититься? Полицейский должен сидеть возле каждой кровати: мы ж друг другу не доверяем. Мы же настолько ненавидим друг друга, что мы без полицейского даже не мыслим, как мы будем разрешать семейные споры.

То есть это действительно совершенно фантастически дикая система, которая требует, то есть это мы, общество, постоянно требуем — полицейских. Больше полицейских, больше сажать, как можно более жестокие должны быть законы. Мало сажаем. А если сажаем, то маленькие сроки слишком даем. Больше тюрем, больше полиции, больше насилия! — говорим мы. Причем многие из нас при этом объявляют себя либералами. Так интересно смотреть, когда либерал подписывает какой-нибудь закон о криминализации, например, каких-нибудь побоев. Я против побоев категорически, просто человек, который это подписывает, видимо, не понимает, что такое российские тюрьмы, российская пенитенциарная система — он просто не понимает этого. То есть, с одной стороны, он говорит: ах, кровавый режим! А с другой: режим должен быть сильнее, более мощным, больше полицейских, больше дубинок!

И я наблюдаю этот диссонанс в головах и думаю: боже мой, люди, которые вроде пишут тексты приличные, где-то выступают, просто не могут сложить А и Б, они действительно лишены рассуждения. Потому что если режим действительно такой страшный, тогда нужно, наоборот, требовать декриминализации всего, потому что режим будет использовать все что угодно, чтобы неугодных сажать. Либо если режим «ниче» и надо просто усилить наказание, тогда не надо орать, что режим такой плохой. Вы вообще разберитесь: либо крестик снимите, либо трусы наденьте. Надо же разобраться: туда или сюда.

«Стена — это очень простое решение»

Но нет, мы не хотим разбираться. Когда нам выгодно обвинять режим, мы орем, какой он страшный, а когда мы вдруг чувствуем,

что не можем разобраться, мы тут же говорим: режим, приди с дубинкой, наведи порядок, мы сами не можем. Мы не можем даже в своем доме собраться, проголосовать нормально. Мы совершенно не в состоянии самую простую солидарность на самом низовом уровне [проявить]. Тяжелее всего сейчас попробовать проявить солидарность на уровне подъезда, одного дома или, например, одной студенческой группы или факультета — да ни хрена. Мне проще общаться со своими френдами по всему миру, с которыми я связан по марке пива, которое я люблю, или вина, или книжки, это намного легче, чем быть солидарным с тем, кто живет с тобой за соседней дверью или учится в одной группе. С ними очень тяжело быть солидарными, потому что они реальные, живые люди, и с ними надо как-то приспособливаться.

Так вот, насколько я понимаю, нас, нашу — и не только — страну ждет очень тяжелая судьба, если мы не научимся быть солидарными на трех уровнях. Просто межчеловеческом — и это чувствовать, неважно, человек сидит рядом с нами за соседней партией или на соседнем стуле или он живет в Донбассе, в Киеве, или в Норвегии. Или это беженец из Сирии, которому в аэропорту Шереметьево не дают даже возможности подать заявление на статус беженца, — это неважно. Вторая вещь — это солидарность общин. Наши сообщества друг с другом очень мало общаются. Мы очень мало передаем друг другу опыта, мало поддерживаем друг друга. Если есть где-нибудь удачный опыт маленького уникального подъезда, дома, микрорайона, сквера, нам очень трудно связаться с такими же, как мы, установить с ними связь и проявить эту солидарность. И третий уровень, конечно, это солидарность народов. Проблема в том, что нам сейчас придется решать глобальные вопросы.

Если кто-то думает — что вы, я имею в виду не нашу страну, а какого-нибудь дурака Трампа — если он думает, что можно от Мексики отгородиться стеной, то он сильно ошибается. Невозможно от мигрантов отгородиться никакими стенами, никакими антимиграционными законодательствами. Надо сделать так, чтобы в Сирии можно было нормально жить. Если мы, человечество, сделаем так, чтобы в Сирии, Эфиопии, Сомали, Чааде, Судане, Нигерии, других местах можно было нормально и счастливо жить, то ситуация коренным образом изменится. Но мы пока так не думаем. Мы не солидарны, мы будем и дальше строить стены.

Потому что мы хотим простых решений. Стена — это простое решение. Оно бессмысленное и глупое будет уже через три года. Через пять лет уже маленький дрон будет поднимать тяжесть веса пяти людей. Через эту стену перетащить с помощью дрона не будет ничего стоить. Но это неважно, мы все равно будем строить стены, как будто мы — даже не в прошлом веке, в прошлом тысячелетии! — возводим Великую Китайскую стену. Мы по-прежнему мыслим этими категориями, мы никуда не ушли за две тысячи лет из этого социального мышления.

Поэтому, когда я говорю про три уровня солидарности: людей, общин и народов — еще, оглядывая все вокруг, я понимаю, что нам нужна солидарность на уровне физического взаимодействия людей, на уровне социальном и, боюсь, на уровне метафизическом. Миграция — это просто самое очевидное и самое явное, которое стучится в наши двери. Причем миграция как насильственная, так и нет. Я, например, очень редко в районе вокзалов Москвы слышу русскую речь. Только не подумайте, что я против мигрантов, нет. Скорее, я за мигрантов. Я про другое: они не умеют говорить по-русски. Может, мы будем учить их говорить по-русски? Вопрос не в том, чтобы их выгнать — их не надо выгонять, иначе в Москве убирать будет некому и работать будет некому — москвичи не очень любят трудиться. Но мы должны что-то с этим делать.

«Скорее вы будете решать общемировые проблемы, чем Трамп»

Во-первых, делать с тем, почему люди уезжают оттуда — значит, там какие-то беды большие происходят. Во-вторых, мы должны сделать что-то здесь, чтобы эти люди нормально, хорошо и счастливо жили и, желательно, учили русский язык и хоть немножко интегрировались в нашу культуру, а не отгораживаться от них стенами, например стенами гетто. Потому что в Москве есть целые районы, где вообще нет людей, говорящих по-русски, буквально целые микрорайоны. Точно так же в Амстердаме есть целые микрорайоны, где никто не говорит по-голландски. Или под Берлином есть целые районы, где никто не говорит по-немецки. Более того, у всех этих людей немецкие и голландские паспорта. В России хоть не так.

Подчеркиваю: я не про то, что мигранты плохие или они

представляют угрозу. Ни один человек не представляет угрозу, если с ним правильно выстроить отношения. Вопрос заключается в том, как мы выстраиваем отношения. Мы выстраиваем их на принципах солидарности или на принципах страха перед «другим», изначального неприятия, изначального выстраивания стен, на межлическом, между сообществами и между народами уровне.

Это для меня очень важный вопрос, учитывая, что сейчас прогресс достиг тоже верных вещей, и если кто-то не верит в климатические изменения — я не про потепление, а про изменения, — то посмотрите на последнее лето. В него можно верить или нет, но есть многие очевидные вещи. Или, например, слой пластика, которым мы уже, извините, загадили весь мировой океан, весь абсолютно. Он уже меняет климатическую систему планеты.

Но мы не можем решать эти вопросы, сидя исключительно в маленьком зале. Мы должны, к сожалению, выходить на общечеловеческий уровень, не больше и не меньше. Если вы думаете, что есть кто-то, кто выйдет на этот уровень, если вы думаете, что Трамп будет решать общечеловеческие вопросы экологии, вы ошибаетесь. В каком-то смысле скорее вы будете решать эти проблемы, чем Трамп. У него нет планетарного мышления, он не понимает, во что мы превращаем планету. И он не понимает, что делать с Африкой или Ближним Востоком. У него такие же простые и тупые методы, как много лет назад: стрелять, бомбить, возводить стены, не пускать, запрещать визы. А что еще он умеет делать? Он ничего больше не умеет. Не потому, что он глупый или плохой — нет, он просто не мыслит по-другому. Ему очень тяжело мыслить другими категориями.

Поэтому я говорю, что надежда, что есть какие-то политики там, которые сидят, мудрецы, они-то знают — да ни хрена они не знают абсолютно. Они ничего не знают. В лучшем случае у них опыт десяти лет работы в банке, как у Макрона. Нет у них опыта никакого планетарного мышления, у них опыт совершенно другой. И нет на них надежды в этом смысле. Скорее надежда на горизонтальные связи и горизонтальную солидарность, чем надежда на то, что какие-то политики и мудрецы нам подскажут.

Это очень тяжело. Я понимаю, что это про то, что простой человек, сидящий в этом зале, должен думать о планетарной ответственности. Это очень странно, это очень дико. Нам бы за то, чтоб вот эту улицу

Герцена перекопали, нам бы хоть тут асфальт положить, а вы тут про Мировой океан с его загрязнением. Но, к сожалению, нам придется работать на всех уровнях. Мы дошли до такого состояния, что нам, к сожалению, придется работать на всех трех уровнях.

Вот и все, что я хотел сказать. Комментарии, вопросы?

«Это в нашей и западной культуре: чуть что случилось — иди в суд»

— Полицейские живут в голове. В вашей [голове] какой: планетарный, патриархальный, другой?

— Это отличный вопрос. В моем не очень, к сожалению, светлом разуме полицейский — это прежде всего очень ограниченная служба, это сервис. Сервис очень небольшой, связанный с нашей безопасностью. И он должен быть очень небольшой, очень эффективный и влезаящий в наши отношения только тогда, когда мы не можем друг с другом договориться. Когда мы вместо того, чтобы вот так разговаривать по-доброму, начинаем бить друг другу морды, то и в этом случае, если мы не идиоты, мы можем позвать третьего, нормального человека, которому мы доверяем, и он с нами разберется.

Понимаете, полицейский — это же такая подпорка, когда мы уже не доверяем друг другу никак, и не доверяем даже третьей стороне. Вот ведь в чем ужас. Если вы посмотрите, как устроены суды — я имею в виду в истории человечества, — то суды, к которым мы привыкли, такие полугосударственные, они же использовались одним процентом человечества. Все остальные разрешались внутри разных — я сейчас не к тому, что это хорошо — общин, кланов, патриархальных, матриархальных систем — неважно, но это решалось между людьми, внутри сообществ. Не нужно было звать судью, только в самом крайнем случае, особенно если выходил конфликт между человеком и некоей верховной властью — тогда да. Но мы сейчас не можем ничего решать. У нас такая культура — это не плохо и не хорошо — в том числе западная национальная культура связана с тем, что чуть что случилось — иди в суд. Мы не пытаемся примириться, найти общий язык.

И вот для меня, еще раз говорю, в идеале — полицейский, судья и так далее — это очень крайняя мера, когда мы никаким способом

не можем договориться. И для меня самое главное — это умение договариваться, а не иметь внутреннего полицейского с дубинкой. То есть главное — иметь внутри человека, который готов протягивать руку и пытаться понять даже своего прямо стоящего оппонента. Это сложная система.

Как в государстве должна быть устроена полиция — на этот вопрос я как раз легко могу ответить. Легко, но долго: что должно быть сделано, какие полицейские, как они должны быть обучены, сколько их в среднем должно быть, какая у них должна быть подготовка. К счастью, на эти вопросы есть ответы. Я не скажу, что есть одна какая-то волшебная страна, где все идеально с правами человека, духовностью и так далее. Ничего подобного: во всех странах все по-разному. Но есть страны, которые, например, решили полицейские вопросы. Там полиция маленькая, эффективная и очень высокий уровень безопасности.

Так же, как с тюрьмами: во многих странах, например в Голландии, тюрьмы закрываются. У нас строятся новые, открываются, а там — закрываются. Заключение больше нет, понимаете, кончились заключенные. Потому что пенитенциарная система рассчитана на другое. У нас она рассчитана на месть и ненависть. Зачем у нас тюрьма? Чтоб неповадно было. Зачем тюрьма в Голландии? Чтоб человека вернуть в общество. Чтобы он потом был безопасен. Мы же понимаем, что насильника сажаем на 15 лет, каким он потом выходит? Нам безопасно ходить с таким человеком по улице? Да, нам хочется, чтобы сейчас у него, ух, аж зубы скрипели от ненависти. Это нам сейчас хочется. А через 15 лет, когда он выйдет, нам приятно будет ходить по улицам? А хорошо, когда наши сестры, дочери будут ходить по тем же улицам, что и он через 15 лет? Это нам ок или не ок, когда он выйдет? Но мы же об этом не думаем, нам же хочется мести сейчас.

Вот это про продумывание, про системный подход. Если мы поддаемся эмоциям, то мы действуем одним образом. Если мы пытаемся выстроить систему, как это должно работать в течение 5, 10, 15 лет, то мы будем принимать совершенно другие решения. Неважно, говорю я о раздельном сборе мусора, о возобновляемых источниках энергии, о тюрьмах, о полиции и о многих других социальных вещах или об устройстве системы ЖКХ. Это на самом деле все про одно и то же. Это про выстраивание либо системного

подхода и мышления, либо про сиюминутную выгоду или месть. Вот что-то такое сейчас урвать, а дальше неважно, что.

«Мы ничего не умеем, только бомбить»

— Когда вы говорили о мигрантах, вы сказали, что одно из решений — это создание хороших условий жизни на их исторической родине. А каким образом это можно сделать?

— Если бы у меня был простой ответ на этот вопрос, я бы не здесь выступал, а в Карнеги-холле, и уже давно был бы лауреатом Нобелевской премии мира. У меня нет простого ответа на этот вопрос. Я понимаю только одно: что количество беженцев сейчас в мире официально, по статистике управления Верховного Комиссара по правам беженцев ООН, самое большое за всю историю человечества. То есть столько беженцев еще не было никогда. И мы прекрасно понимаем, что люди бегут по разным причинам: кто-то по экономическим, кто-то по политическим, кто-то по военным, кто-то — по каким-то другим. Но это означает, что во многих частях света мир небезопасен. Почему он таким стал? Понятно, что можно сейчас искать виноватых, и, в общем, даже справедливо: колониальный режим в XIX веке, бомбардировщики НАТО, вмешательство Советского Союза в Афган — мы можем придумывать много разных причин, и все они будут справедливыми.

Вопрос заключается в другом. Во-первых, я, например, считаю, что мир современный стал настолько глобальным, что надо забыть говорить о том, что надо как можно меньше беженцев, пускай все живут там, где жили всегда, и будут закреплены за этой территорией. Этого уже не случится. Началось второе великое переселение народов, и оно не закончится в ближайшие десятилетия. И оно связано не только с тем, что «там» плохо. Но то, что там плохо, — а «там» очень плохо, прям во всей Африке, даже в ЮАР, которая входит в БРИКС, — с этим надо что-то делать.

Давайте так. Я сейчас рассуждаю, я могу отойти от каких-то прекрасных гуманистических вещей на очень прагматические. Этот миллиард или полтора, два миллиарда, если их проблемы будут по-прежнему такими же страшными, они все равно придут сюда. Придут, вот Средиземное море, перейдут по Черному — придут! Им деваться некуда. Вы ж понимаете, что рождаемость за последние

сто лет, в том числе, кстати, благодаря гигиене и пенициллину, в Африке выросла примерно в 10 раз. За сто лет — в 10 раз. Да, при этом — отсутствие контрацепции почти полное или запрет на нее, например в католических регионах. Мы можем делать вид, что этого нет. Но это есть. В 10 раз! У нас, как вы понимаете, рождаемость продолжает падать, как и во всей Европе.

Возникает вопрос: что этим людям там делать? Там очень мало плодородных земель, там ничего нет. Там есть только транснациональные компании, которые продолжают эксплуатацию этих территорий. Что мы собираемся там делать? Мы вообще думаем о том, что этим людям делать? Мы можем там создавать университеты, какие-то технопарки, что-то еще, чтобы эти люди — они не глупее нас с вами — что-то делали для человечества. Можем сказать: вот вы там в Африке своей закройте, а мы будем стены вокруг строить. Еще раз говорю: стены не помогут. Что делать конкретно, я, к сожалению, не смогу ответить на ваш вопрос, потому что у меня нет даже таких ресурсов и знаний. Если б меня сейчас пригласили в какой-нибудь Всемирный комитет одним из экспертов «вот что нам делать с Африкой», я бы первые два года ездил, задавал вопросы и смотрел, потому что у меня нет универсальных рецептов. И я понимаю, что их можно придумать, если захотеть. Но я понимаю, что никто не хочет. У нас есть одно главное средство, его применяет, так сказать, как наша сторона, так и Америка, НАТО и так далее, знаете, какое? Бомбить. Вот ничего другого мы делать не умеем. Но, к сожалению, это не метод. Вот такая проблема. Тут портрет Рериха как раз на меня смотрит и подсказывает мне, что да, это не метод.

«Китай и США с двух сторон, но с одинаковой жесточенностью уничтожают международную систему прав человека»

— Вы рассказали о системе прав человека, которая появилась после травматического опыта Второй мировой войны. Суть вашего посыла такова, что в последнее время эта система дает сбои в силу разных причин и мы живем не по тем договоренностям, которые были достигнуты в конце 1940-х — начале 1950-х годов, а «по понятиям». Вы обрисовали в общих чертах какую-то утопическую систему, когда мы движемся исключительно в сторону понятий, и иницируется

это несколькими государствами. И одно из спасений, насколько я понял ваш тезис, — это сохранение системы прав человека и воспитание тех людей, которые будут транслировать ценности и так далее. Но мы понимаем, что в данный момент не все лидеры — в широком смысле слова — главы государств, лидеры организаций готовы на это идти, потому что им гораздо удобнее «по понятиям». Какое ваше видение: что будет в течение 5–10 лет с системой прав человека? Условно говоря, мы движемся к тому, что мы ее потеряем и должны будем придумать новые правила? Что будет?

— Не задавайте мне такие страшные вопросы. Я же пессимист, я много раз предупреждал. Понимаете, у меня давно уже нет надежды, но у меня осталась вера. Это такой парадокс. Я не очень-то надеюсь. Когда я говорю о межчеловеческой солидарности, я просто верю, что она в состоянии победить — но верю. При этом наблюдения подсказывают, что это не очень так. Когда мы все вместе защищаем какого-то журналиста или правозащитника, активиста, я вижу эту солидарность каждый день. Но как только эта угроза спадает, и нужно всем вместе разобраться с ливневой канализацией или с бытовыми отходами — все. То есть мы, по крайней мере в нашем обществе, можем быть солидарны очень короткое время и в связи с очень сильной угрозой. Дальше все распадается.

Я думаю, что проблема, связанная с правами человека, связана не только с тем, что лидеры каких-то государств плохо думают или размышляют. Понимаете, права человека изначально были ими же придуманы, но с самого начала им мешали. Права человека — это узда, это ограничения, которые государство само на себя накладывает. Ну на хрена мне эти ограничения? Они ж болтаются. Как меня, например, заставили бы ходить с тремя металлическими хвостами: мне тяжело, они волочатся, тяжело ходить, садиться, понимаете? Тяжело в самолете лететь — все время вот эта болтается металлическая цепь. Вот эта металлическая цепь, которая как раз государству не дает делать все, что оно хочет.

Вот оно хочет людей сажать, потому что они, например, выходят на площадь Тяньаньмэнь. Я имею в виду на днях умершего известнейшего правозащитника, китайского лауреата Нобелевской премии мира [Лю Сяобо]. Но он мешал очень, потому что он вышел

к студентам на площадь Тяньаньмэнь и наблюдал, как их укатывают танками. До сих пор так ничего и не было написано на русском языке настоящего, что было в 1989 году на площади Тяньаньмэнь и какую позицию занял другой прекрасный лауреат Нобелевской премии Горбачев по этому поводу. Ничего не написано, хотя он знал, сколько сотен тысяч людей укатано танками, что площадь просто чвакала кровью. Он это все знал. Что он сделал, этот лауреат Нобелевской премии мира? Ничего, он промолчал.

Понимаете, это действительно так: государству права человека мешают, мешают это делать: сажать, убивать, иметь тюрьмы, как в Чечне. Права человека — это такое дерьмо, оно мешает государству делать то, что оно хочет. Мешает строить стены на границе с Мексикой, не пускать в Соединенные Штаты мусульман только по тому признаку, что они мусульмане. Да, права человека — вот такое дерьмо, которое мешает государству творить все, что оно захочет. Вот оно так придумано.

Но проблема не только в государстве. Все действительно сейчас намного сложнее. Я бы сказал, что, с одной стороны, такой реванш так называемых традиционных ценностей, а с другой стороны, как раз ультразападный индивидуализм, который тоже, кстати, фактически идет против тренда солидарности — они прекрасно друг другу помогают в разрушении этой общей модели. То есть я бы так сказал: Китай и Соединенные Штаты с двух сторон, но с одинаковой жесточенностью уничтожают международную систему прав человека. Я специально Россию немножко вывел еще и потому, что она ни по количеству людей, ни по экономике не игрок, если честно, не сравнить ни с Китаем, ни с США. Они в 10, 20, 100 раз больше, это просто несравнимые цифры. Но они с двух сторон делают все, чтобы эту систему разрушить. Я думаю, специально, на самом деле, их это не устраивает. То есть по большому счету последний оплот — это Европа, включая, кстати, до последнего времени Россию, пока Россия не стала блокировать решения Европейского суда и, собственно, потихонечку выходить из Совета Европы. То есть Россия в этом плане играла на той же стороне, что и вся другая Европа. Сейчас ситуация более сложная. Конструкт более сложный и связан не только с геополитикой — это вообще не про геополитику, а про наши личные связи.

Способны ли мы, например, выстраивать горизонтальную

солидарность? Надо садиться и разговаривать, не ожидая, пока правители это сделают — не сделают. Короче, нам надо повзрослеть, прекратить надеяться на бога, царя и героя. Как это, «мы никогда еще не жили так плохо, как при Обаме». Вот прекратить жить «при Обаме», начать жить при себе самом. При избранном нами мэре, губернаторе — я даже не про президента, это далеко.

— Так нам по понятиям говорить или по закону?

— Не знаю. Я думаю, если это не государства, а народы, они могут договариваться и по-другому.

— По международному закону?

— Конечно, есть же международное право. Более того, у нас просто слишком мало прямых горизонтальных контактов. Мы слишком мало общаемся с такими же, как мы, по ту сторону границы. Например, по ту сторону украинской границы. И поэтому у нас очень искаженное [представление]. И у них так же мало представления о нас.

«Сотни и тысячи людей должны собираться и на протест, и для совместной рефлексии»

— Зерна солидарности формируются на низовом уровне. Причем, как правило, прежде всего людьми думающими. В связи с этим хотелось бы не то что погладить Вятку по головке, но тем не менее есть здесь тенденция, что интеллигенция собирается. Интеллигенция может быть по группам, бывает возможность встретиться в расширенном формате. Интеллигенция общается, обсуждает проблемы. Казалось бы, и на Вятке спорная фигура — Навальный, но начался процесс — извините, площадь перед судом была заполнена людьми, которые приходили выразить некие свои... По крайней мере, задавали вопросы: что происходит? Я хочу спросить: на самом ли деле солидарность здесь начинается, а не в глобальном [пространстве]?

— По мне, она начинается здесь, но на разных уровнях. То есть между людьми, здесь, но по темам: от самых локальных до самых глобальных. То есть мы, собираясь здесь, на очень низком уровне,

должны тем не менее ставить ни больше ни меньше вопросы от парка соседнего до планетарных, до метафизики. Чтобы не оскорблять неверующих людей, скажем, до ноосферы. Как минимум, рассуждать от того, что нам делать, например, чтобы на этой улице была безбарьерная среда для инвалидов-колясочников — вот от этого уровня, до ноосферы — и это очень важно. И рождается солидарность именно на таком уровне.

Я скажу, что все изменится кардинальным образом, реально, в том числе в нашей стране, не благодаря неким политикам — я не против них, я их принципиально не называю, ни проправительственных, ни анти-, вот вообще не называю, у меня просто привычка такая. Когда люди выходят не на протест, может, и справедливый, тысячами или сотнями на улицы, а когда они этими сотнями и тысячами будут собираться в таких залах для совместной рефлексии о том, например, что нам делать с системой прав человека, с Африкой, с загрязнением планеты.

Мы, например, понимаем прекрасно в нашей стране, что с нашими нефтью и газом превращаемся в страну уже не третьего, а четвертого мира, что Саудовская Аравия через 10 лет сама перейдет на возобновляемые источники. А когда Россия полностью перейдет на возобновляемые источники? Я думаю, лет через 150, об этом еще Салтыков-Щедрин писал. Помните, он у вас еще бывал, он написал интересную вещь: «Разбуди меня через 100 лет — и в России будет все то же самое, а именно — пьют и воруют». Прошло 150 лет.

Понимаете, когда мы будем собираться и думать — но не просто рассуждать, а прям думать — о том, как это начать делать прямо сейчас. Собрать клуб любителей Илона Маска и начать заказывать у него прямо сейчас непосредственно эти батареи. Я специально сейчас говорю глупости. В смысле, это не к тому, что прямо так надо делать — надо думать и рефлексировать и локально, и глобально, и начинать действовать — и локально, и глобально.

«Заявление по поводу ввода войск в Крым — самый мужественный поступок, который сделал СПЧ за последние пять лет»

— Если права человека так мешают государству, то понятно, что государства создают некоторые инструменты, чтобы сделать вид, что это не совсем так. На мой вкус, одним из таких

инструментов сейчас является СПЧ [Совет по правам человека] при президенте. Мне кажется, что наличие таких инструментов, институтов и их деятельность, оно в большей степени оптимизирует политику государства, в том числе в отношении прав человека, и показывает: вот, смотрите, у нас СПЧ есть. Для меня вопрос очень сложный. Думаю, вы для себя на него уже отвечали, поэтому и мне ответите: кто бы мог участвовать в этом инструменте?

— Очень хороший вопрос. И он вдвойне хорош, потому что я вам не отвечу на него за пять минут. Если хотите, за несколько часов на него отвечу в кулуарах. Потому что я об этом много размышлял, и в том числе тогда, когда меня туда пригласили. И потом несколько раз, кстати, был момент, когда меня чуть оттуда не выгнали — и я был очень горд. Когда я 1 марта 2014 года выяснил...

Дело в том, что в этот день Совет Федерации принял решение о вводе войск в Украину, в том числе в Крым. И Матвиенко заявила о том, что на самом деле было убито несколько граждан России. Именно как члену СПЧ мне удалось дозвониться до российского генконсула в Крыму и спросить, где убитые россияне? Это очень важно, я — член СПЧ, пожалуйста, я должен поехать в госпиталь, куда-то еще. На что этот человек — сейчас не помню его фамилию, я об этом тут же написал в твит и десяток эсэмэсок отправил: от РИА «Новости» до «Интерфакса» — сказал: «Это все фейк, ерунда, никто не погиб». Я говорю: стоп, минуточку, вы сейчас говорите о том, что третье лицо в государстве лгала? Давайте так: она введена в заблуждение. Правильно? Он говорит: «Ну да». Отлично. И вот этот твит: я не сказал, что она неправа, что сволочи, суки, кровавый режим — нет, я такое не использую. Я как член СПЧ говорю: Матвиенко введена [в заблуждение] — я, правда, не знаю, кто ее ввел в заблуждение, возможно, она говорила совершенно искренне, у меня нет доказательств. У меня есть доказательство только одно: то, что она говорила, расходилось с фактами. И только потому, что я был членом СПЧ, мне удалось — это был третий раз в жизни, когда я попал в топ Яндекса, у меня за один вечер, по-моему, было 50 интервью — когда я сказал, что никто не погиб, я здесь присутствую. Это ложь, здесь нет никакой угрозы. Никто никого не громит: вот из моего окна гостиницы по парку ходят женщины с детьми, колясками.

Я не понимаю, куда можно вводить войска. Все абсолютно безопасно. Просто нет никого, кто создавал бы угрозу, кроме непонятных людей в зеленой форме без опознавательных знаков, которые действительно создавали напряженность в тот момент, потому что никто не понимал, кто это.

А 3 марта СПЧ сделал заявление по этому поводу. Вот после чего, собственно, его чуть не разогнали. О том, что Совет Федерации должен отозвать это решение. Это был, наверно, самый суровый и самый мужественный поступок, который сделал СПЧ за последние пять лет, начиная с формирования нового состава. Нужно это было, не нужно — мне трудно сказать.

Скажу последнюю, страшную фразу. Когда я в 2012 году согласился пойти в СПЧ, у меня было два образа. Первый: СПЧ — это такой, знаете, коллективный шут при монархе. Вот он бубенчиками звенит, но иногда говорит правду и умеет кого-то там спасти. Этот образ коллективного шута мне нравился — он мне нравится еще со времен моего любимого фильма «Графиня де Монсоро» про знаменитого Шико — шута при всех двух Генрихах, и Третьем, и Четвертом. Хороший образ.

Но потом я понял, что образ намного более трагичный. СПЧ — это такой юденрат в варшавском гетто. Варшавское гетто — это гражданское общество. Юденрат, то есть орган самоуправления, который да, ведет переговоры с внешними властями, а будет ли эвакуация их гетто в Трешлинку и в Аушвиц — наверно, будет. Что сделает юденрат? Пустит ли, как в варшавском гетто, себе пулю в лоб, или останется, или сбежит за границу — я пока не знаю, я пока не принял решение. Но это тот самый образ.

Я специально сейчас говорю о том, что все невероятно противоречиво. С моей точки зрения, есть еще третья функция. Если начнется кошмар, большой, то СПЧ, благодаря тому, что там очень много приличных людей, включая Людмилу Михайловну Алексееву, мог бы быть в критической ситуации медиатором. И это для меня самая важная функция, которую я оставляю для момента Ч. Потому что могут случиться разные, очень тяжелые события, и иногда нужен какой-то общественный медиатор, который вдруг коллективно сможет что-то сказать. Ну и предотвратить, например, уж слишком кровавый сценарий. Не знаю, какой, не знаю, чей, — я не политолог.

АНДРЕЙ ЮРОВ, HUMAN RIGHTS AGENTS

В Школу Прав Человека приходит много активистов, в том числе и из политических групп. На семинарах они вдруг понимают, что защита прав человека – это не политика. Один из этих людей как-то сказал на семинаре: «Ой, я вдруг понял, что можно быть правозащитным активистом и заниматься правами человека, а можно отдельно – политикой». В его голове эти два занятия всегда были в одной категории. Одна из главных задач для меня состоит в том, чтобы провести четкую границу между политикой в значении “politics”, если воспользоваться английской терминологией, и политикой в значении “policy”, то есть социальной политикой, которой мы, собственно, и занимаемся. Я всегда стараюсь подчеркивать, что мы не участвуем в борьбе за власть, что это вообще не наша сфера. Это просто другой вид деятельности.

А вот при любой действующей власти менять ситуацию к лучшему – это как раз про нас. Мы осуществляем мониторинг судов, тюрем, полиции, экологии, – словом, всего того, что отвечает обычным общественным потребностям. Мы выстраиваем другие отношения с чиновником: в нашу задачу не входит свергнуть его, мы пытаемся установить с ним партнерские отношения и вместе менять мир к лучшему. Это, конечно, довольно непривычный подход. Люди, в основном, привыкли к митингам, демонстрациям: «Долой!», «Даёшь!» А выстраивать долгосрочное сотрудничество невероятно сложно, поэтому мы пытаемся объяснять молодым активистам, что активный гражданин – это, прежде всего, ответственность и ежедневная работа. Условно говоря, активный гражданин – это «дрессировщик власти».

«Сама по себе полиция не изменится за один день. Это произойдет только тогда, когда мы каждый день будем с ней работать. Это задача не только профессионалов, но всех граждан»

В нашем сообществе за многие годы сложился и устоялся термин «социальное волшебство». Он означает, что полицейские стали чуть грамотнее и добрее относятся к гражданам в повседневной практике, то есть они подходят к человеку, вежливо здороваются и объясняют,

почему они обратились к нему, не прибегая к таким выражениям, как «эй ты, пойди сюда». Так происходит изменение реальности. Это непривычно, сложно и заставляет многих задуматься. Один взрослый человек сказал мне на семинаре: «Проще три раза выйти на митинг, чтобы после этого все изменилось». Конечно! Сразу все поменяется, и совесть чиста. В таких ситуациях очень сложно объяснить, что полиция изменилась, потому что граждане, работая с ней 20 лет, постепенно меняли ее. У нас же, как говорится, широкая славянская душа: нам хочется все и сразу, и в идеальном виде. Однако, чтобы воспитать конструктивных и небезразличных граждан, которые готовы долго трудиться над желаемыми изменениями, требуется огромная интеллектуальная и просветительская работа.

Все поговорки наподобие «закон, что дышло» – это ни что иное, как попытка заявить, что есть право и законы, но они существуют для дурачков, а реальная жизнь другая. Вот это разделение в обыденном сознании на жизнь и право, представление о том, что право это не то, что помогает нам жить каждый день, а нечто отдельное, и мешает. Правовой нигилизм – тяжелая штука, а значит, потребуются годы для изменения сознания людей и институтов. Я понимаю, что трудно доверять судебной системе, пока она в таком состоянии. Однако важно понимать, что она в таком состоянии именно из-за нашего отношения к ней. Это замкнутый круг: пока мы будем относиться к ней как к дерьму, объясняя это тем, что «а там все равно нет правды», все останется на своих местах. Если считается, что в суде все равно нет правды, то мы никогда не добьемся того, чтобы правда там была, ведь таким образом получается, что у нас нет такой цели.

Если, предположим, 9-классник задает вопрос: «Что такое справедливый суд?», – то ему чаще всего отвечают, используя термины «виновный», «оправдание», «наказание» и прочее. Так, становится ясно, что для обывателя суд – это всегда криминальный суд. Обыватель не воспринимает его в качестве независимого арбитра, к которому мы обращаемся в случае необходимости установить юридическую истину, факт, родство, и т.п. В обществе совершенно отсутствует представление о суде, выполняющем роль независимого арбитража. Суд воспринимается как репрессивная функция.

«Если начать с того, что правосудие это, прежде всего, не

репрессии, а распределение блага и справедливости, тогда вся картина выглядит иначе»

Судьи – это слуги общества, это мои слуги, а не высшая сакральная сила, которая надо мной довлеет и меня репрессирует. Поскольку они служат мне на мои деньги, я могу контролировать то, что они делают.

У нас давнорушенетюриспруденции, но повсеместно распространена другая наука, легистика. Дело в том, что в латыни есть два разных корня: “lex” (также “legis”) – это закон, а “justitia” – это справедливость. В наших университетах давно учат не справедливости, а выполнению законов. Дипломы получают легисты, а не юристы. Юрист стоит на страже справедливости, а легист – на страже закона. Это две разных картины мира. Настоящий юрист – это тот, кто стремится сделать мир более справедливым, тогда как легист просто исполняет законы. Я прихожу на юридические факультеты наших вузов, и что я вижу там чаще всего? Надпись “Dura lex sed lex” – «Закон суров, но это закон». При этом никто рядом не повесит табличку о том, что, вообще-то, данное высказывание утратило всякую силу после Нюрнбергского процесса. Ведь, насколько известно, в нацистской Германии были преступные законы, и преступлением было их исполнять. Все просто: исполнение преступных законов — преступление, поэтому эта фраза была хороша до Нюрнбергского процесса, но после него она абсурдна.

Все люди наделены неким имманентным свойством, и поэтому даже самый ужасный человек, будь он преступник, террорист, фашист, Брейвик какой-нибудь, – он все равно человек. Если он совершил преступление, он должен сидеть в тюрьме, должен понести наказание, но при этом его нельзя каждый день держать в яме, бить, насиловать и кормить помоями, потому что он человек. Этот дискурс о человеческом достоинстве является одним из самых важных. Мы должны говорить про право, но мы также заявляем, что люди – это люди. Самое страшное в пропаганде – это дегуманизация.

Во многих провинциальных городах остались один-два пожилых правозащитника, и это очень печально, потому что бесконечные официозные приемы не играют никакой роли. В нашу общественную приемную в Воронеже регулярно приходят люди и говорят: «Вы знаете, мы были там и там, и нам нигде не помогли, мы все время

получали отписки». В этих местах часто работают некомпетентные люди, которые разводят руками и отвечают: «А мы не знаем, что делать». Однако правовая защита – это профессиональная технология, которой не обладают люди, работающие в общественных приемных депутатов. Мы были бы рады, если бы они взяли часть нашей работы на себя, но с этим возникают проблемы.

Тех, кто спокойно и методично работает, становится все меньше. Тем более в условиях репрессий организаций, которые никогда в политику не лезли: например, Мемориал или Сахаровский центр. Они никогда не помогали никаким политическим партиям, не участвовали ни в каких выборах, никого не агитировали. Есть ощущение, что кто-то намеренно хочет уничтожить эту нейтральную группу, которая склеивает общество. Без этой прослойки общество сильно подвергнется сильной поляризации. Вместо того, чтобы помогать людям, НКО заняты бессмысленными судебными тяжбами. Причем непонятно, кому всё это нужно. Похоже на абсурд! Конструктивные элементы во власти не до конца понимают, насколько это дестабилизирует ситуацию в обществе.

«Если правозащитников “зачистить”, тогда у граждан остается один инструмент – вилы»

Задача Школы Прав Человека – воспитать продвинутых гражданских активистов, которые могут чуть шире мыслить. Эта среда позволяет вырастить профессиональных правозащитников, но этому процессу мешает «возня» вокруг «иностранных агентов». Я считаю данный термин вредным и нечестным. Кто такой «агент»? Согласно Гражданскому кодексу, это «тот, кто действует от имени и по поручению принципала». Кто и что нам поручал? Когда я получаю какие-то средства, они расходуются на наши собственные проекты. Я не выполняю никаких агентских соглашений. Может быть, Совет Европы, куда входит Россия, – это иностранный агент? Или ООН?

Если бы мне сказали, что наша организация – агенты ООН, я бы ответил: «Да, мы действуем в духе Всеобщей декларации прав человека по поручению будущего человечества».

Я агент того будущего, которое я хотел бы воплотить в жизнь, будущего, где соблюдаются права человека, где люди помогают друг другу и где несомненной ценностью является солидарность

поколений и континентов.

РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ВРУЧЕНИИ ХЕЛЬСИНКСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ПРЕМИИ

Первое. Нам нужна солидарность всех людей, стоящих на защите нашей цивилизации в продвижении общечеловеческих ценностей. И для меня особая честь, что награждение происходит в год 70-летия пост-военного устройства мира, где Права Человека стали важнее, чем национальные суверенитеты. Человечество договорилось о том, что должны быть некие универсалии, стоящие выше государств и правительств, которые могли бы предотвращать геноцид и массовые нарушения Прав Человека. И это же предполагает солидарность в противостоянии двойным стандартам и подходам, ставящим некие политические или экономические интересы выше, чем эти универсальные ценности. Недавние трагические события в Париже, в Ливане, в Турции, в небе над Синаем показывают необходимость поиска совместных системных и гуманистических ответов на вызовы со стороны насилия и террора.

Второе. Нам нужно развивать солидарность всех правительственных и неправительственных институтов региона ОБСЕ в укреплении единых стандартов и механизмов защиты Прав Человека. Именно поэтому мне особенно приятно, что эти слова я произношу в год 70-летия ООН и 40-летия ОБСЕ. Может быть, 20 лет назад казалось, что в регионе ОБСЕ укрепление стандартов Человеческого Измерения и Прав Человека — дело уже техническое, а не идеологическое, но сейчас понятно, что мы только в самом начале пути. Мы видим, что не просто многие институты плохо работают, — мы становимся свидетелями того, как предпринимаются попытки пересмотреть сами подходы, и, следовательно, от нашей твердости в укреплении имеющихся и создании новых институтов защиты Прав Человека зависит судьба нашего региона.

Третье. Нам нужна солидарность гражданских обществ — в помощи и поддержке друг другу.

Сам факт этой награды демонстрирует такую солидарность со стороны гражданского общества Нидерландов. Тем более было приятно оказаться здесь вместе с Арзу, которую я знаю более 15 лет. Нам в ближайшее годы потребуется не только мужество, но и

большая способность к творчеству, нам придется искать совершенно новые подходы к работе, нам придется отвечать на новые вызовы. От нашей способности действовать вместе зависит возможность в ближайшее время изменить нашу часть мира к лучшему».

ИНТЕРВЬЮ : МЕЖДУНАРОДНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО НЫНЧЕ ПЛЕТЕТСЯ У ПОЛИТИКОВ В ХВОСТЕ

Николай Ходасевич, 18.02.2015, ЕвроБеларусь

Нынешний кризис международного права во многом обусловлен не только отвлеченностью политиков и соответствующих структур от проблем безопасности, но и слабостью международного гражданского общества. Почему о перемирии в Украине договариваются президенты четырех стран, а не специально созданные для этих функций ООН и ОБСЕ? В какой ситуации сейчас находится международное гражданское общество? Что может послужить основной для реформирования системы международного права? Об этом в эксклюзивном интервью Службе информации «ЕвроБеларуси» рассказал член Совета по правам человека при президенте России, правозащитник Андрей Юров:

- Насколько действенна система международной правовой защиты для урегулирования современных вооруженных конфликтов? Почему в поисках перемирия приходится прибегать к такому формату переговоров, как встреча «нормандской четверки» в Минске?

- Для меня сам факт подобных переговоров означает, что те структуры, которые были созданы в последние 50 лет в мире и Европе как раз для решения подобных вопросов работают, мягко говоря, плохо. Понятно, что речь идет про ООН, ОБСЕ и Совет Европы. Все страны, чьи президенты участвовали в переговорах являются членами ОБСЕ, но, видимо, форматы международных организаций не работают в том виде, в котором они должны действовать. Хотя эти структуры и были созданы для того, чтобы обеспечивать безопасность, причем в широком смысле этого понятия, совершенно очевидно, что такого не происходит. И

теперь политики пытаются находить другие форматы. Но это, прежде всего, говорит о неэффективности ныне существующих механизмов. То есть, возможно, на момент создания они были более эффективны, но сейчас мы должны признать, что данные механизмы пробуксовывают и сейчас безопасность находится уже в руках совершенно других структур, двусторонних, трехсторонних и так далее переговоров. И это для меня очень большой откат от идеи единого, целостного международного права, когда все действует как единый механизм, когда в случае любых нарушений применяются соответствующие процедуры. Речь идет о мирных, а не военных процедурах мониторинга, разведения сторон, прекращения огня и так далее. Причем то, что это работает плохо, было уже понятно в Косово, в Афганистане, Ираке, Ливии и других странах. Мы должны честно признать, что вообще последние 15 лет международные механизмы начали плохо справляться со своими функциями и никто, ни Восток, ни Запад, не сделали ничего реального, чтобы данные механизмы восстановить.

- Проблема в человеческом факторе или в институциональном?

- Я думаю, и в том, и в другом. Когда мы говорим про человеческий фактор, речь не идет о том, что какие-то политики лучше, а какие-то хуже, какие-то умнее, а какие-то глупее. Но, видимо, сейчас мы получили плеяду политиков, которые сами не очень верят в единое международное право, а больше доверяют каким-либо другим вещам. И мы должны честно сказать, что сегодня, например, США не идут в авангарде по укреплению международного права. Это тоже очень печально. Наверное, если бы и на Востоке, и на Западе были иные политики, которые, прежде всего, думали о конструкциях системы международной безопасности, то возможно сейчас ситуация развивалась бы по-другому. Но сегодня у них явно не такие приоритеты.

- Может, создана такая система международной бюрократии, которая установила рамки, не позволяющие действовать эффективно?

- Может быть и так. Гигантские бюрократические аппараты уже

давно работают сами на себя, а не на те вызовы, ради которых были созданы. Мы уже давно отмечали, что ОБСЕ превратилась в некую “говорильню” для констатации банальных фактов. ООН, честно говоря, также в последние годы показала свою очень слабую эффективность. И не только в Европе, но и вообще в мире. Если мы посмотрим на самые кровопролитные войны конца XX начала XXI века, мы увидим, что роль ООН по их предотвращению и урегулированию минимальна. Мы даже про многие из этих вооруженных конфликтов и понятия не имеем. Недавно я столкнулся с вопросом на семинаре, знаю ли я, какая война была самая кровопролитная после Второй мировой. И я не мог дать правильный ответ. Его почти никто не знает в нашей части света.

- Какой правильный ответ?

- Вторая конголезская война. 5,5 миллионов погибших. Война шла с 1998 по 2002 год. То есть совсем недавно, в наше время. Но мы больше знаем о выборах наших руководителей или демонстрациях на площадях, чем о том, как на африканском континенте 5,5 миллионов друг друга убили. Это, кроме прочего, говорит и о том, что в ту войну не вмешивались великие державы и, наверное, с их помощью можно было бы что-нибудь предпринять. Но ООН не смогла ничего сделать.

- На ваш взгляд, украинский конфликт может стать началом для переформатирования международной правовой системы?

- Может, если на это будет воля. Это должна быть не только воля политиков. Я наблюдаю другой процесс, который для меня более болезненный и неприятный. Я вижу, как ослабевает единое международное гражданское общество. То есть отдельные организации гражданского общества в отдельных странах могут быть сильными и большими. Но единого голоса гражданского общества я просто не слышу. То есть, по идее, если бы было очень сильное международное гражданское общество, то параллельно с переговорами президентов из “нормандской четверки”, в Минске заседала бы группа представителей гражданского общества этих же стран и вырабатывала предложения для политиков. Но этого не было. И международное гражданское общество, в отличие от 1960-70

годов, нынче плетется у политиков в хвосте. То есть общественные организации решают вопросы вегетарианского типа: голод, борьба с одним плохим явлением, борьба с другим. Это все очень важные вещи! Я не говорю, что такая деятельность не нужна. Но я не вижу мощных гражданских лидеров, которые могли бы формировать свою международную повестку и делать свои предложения от имени народов, а не от имени правительств. В 90-е годы, во время войны в Югославии, такие процессы были.

Поэтому, когда я говорю, что должна быть воля, я имею ввиду, что воля должна быть и у политиков, и у гражданского общества. Я думаю, что мир настолько изменился, что одни политики переформатировать международную систему не могут. Нужна вторая сторона. А ее нет. Она очень слабая.

- Насколько я понимаю, кризис сейчас претерпевает не только международное право, но и международная правозащита...

- Конечно. Одно без другого быть не может. Просто правозащита, права человека – это узкая часть международного права. Но мы понимаем, что если международное право размыто, нет соответствующих механизмов, то и в сфере прав человека начинаются пробуксовки. То есть, с одной стороны, институты вроде те же: есть Европейский суд, к сожалению, не для Беларуси, но все равно; есть и Комитет по правам человека ООН. Но мы видим, что к ним не очень прислушиваются. Есть также Международный уголовный суд, но никто не спешит ратифицировать его устав. Причем не спешит не только Россия и Украина. США или Китай также с такой ратификацией не торопятся. Так что ситуация более сложная и драматичная, чем может показаться на первый взгляд. Понятно, что сейчас есть страны, которые ведут себя безобразно. Есть те государства, которые поступают менее безобразно. Но, к сожалению, последние также не занимаются денно и нощно укреплением международного права. И вообще, честно говоря, за последние 70 лет, если не брать европейские структуры, такие как Совет Европы и ОБСЕ, единственным прорывом на мировом уровне был именно Международный уголовный суд. Кроме него никаких новых мировых правовых институтов придумано не было. А это странно. Ведь мир очень изменился. И за эти 70 лет должны бы были

выработаны другие, более эффективные механизмы защиты прав человека. Но я их не наблюдаю. Их не вырабатывают ни политики, ни гражданское общество.

ЗА ЧТО СРАЖАЛИСЬ НАШИ ДЕДЫ [ЧАСТНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИТОГАХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ]

23.09.2015

Итак, без особой помпы 2 сентября 2015 г. мир отпраздновал 70-летие окончания Второй Мировой войны. Кажется, время подводить итоги давно прошло. А с другой стороны, видимо, подводить итоги еще слишком рано. Ибо для многих стран война так и не закончилась: они продолжают жить памятью о ней, строят на этом важные идеологемы развития и черпают во всем этом некие силы.

Более того, мировая система, которую можно условно назвать «поствоенной», с одной стороны, не позволила в северном полушарии Земли развернуться новой глобальной войне, с другой — не предотвратила другие, локальные конфликты с миллионами (!) жертв, а с третьей — явно начала пробуксовывать. Всё чаще разговор заходит о том, что с начала XXI века мы живем уже не в поствоенном, а в «пост-поствоенном» мире, где многие институты, вроде бы, те же — только вот уже не очень работают.

В последнее время нередко ставятся под сомнение и сами базовые принципы, положенные в основу созданных после Второй мировой войны международных институтов в сфере глобальной безопасности, сотрудничества, утверждения важнейших общечеловеческих ценностей и их верховенства над идеологиями и национальными интересами.

Самое время спросить: так за что же сражались наши деды? И может ли это «что» стать основой для консолидации этносов и народов?

Я не в силах сейчас ставить этот вопрос совсем глобально и говорить обо всех странах, участвовавших во Второй мировой войне, — но не хотелось бы и ограничиваться одной Россией. Мне представляется важным подумать над ответом в рамках хотя бы антигитлеровской коалиции («Союзников»), тех народов и стран, кто,

собственно, и установил «новый мир», поствоенную систему (ООН, ОБСЕ и т.п.) и, видимо, воплотил этим некие «коллективные мечты», осознанные и бессознательные.

Итак, первое. Прежде всего, нужно сказать, что «наши деды» сражались **за разное**, а значит и за **право быть разными**.

То есть даже условные граждане СССР (включая тех, кто был ими сделан насильственно в 1939-1941 гг.), сражавшиеся по одну сторону, готовы были защищать разные, порой — противоположные ценности. Далеко не все солдаты и офицеры РККА (Рабоче-крестьянской красной армии) были поклонниками сталинского, да и в целом большевистского режима, хотя многие — были. Далеко не все были готовы умирать «за вождя» или за систему, погубившую миллионы в 1930-е, хотя многие — были... Далеко не все были в восторге от государства, уничтожившего цвет интеллигенции, священства и честного самостоятельного крестьянства. Но ведь было что-то иное, что делало их верными бойцами этой стороны, несмотря на все «но»?.. И так со многими странами и многими сторонами.

Поэтому любая попытка сказать, что «все наши деды сражались за одно-единое общее дело», — это ложь, которая ведет вовсе не к объединению общества, а к его расколу. Только признав, что наши деды сражались за разное и это не должно нас разъединять, — мы можем начать хоронить эту страшную войну.

Второе. Почти все наши деды сражались **за преодоление страха**.

Это был страх перед двумя усатыми тиранами по обе стороны от Бреста, уже к тому времени обречшими на смерть и страдания сотни тысяч.

Это был страх перед всемогущими охранками и палачами, способными сломать или уничтожить каждого — от простых рабочих до всемирно известных поэтов и режиссеров, от членов юношеских вождистских организаций до лидеров соответствующих партий.

Это был страх перед системами, где Право, а значит — возможность защиты и для сильного, и для слабого, — было растоптано тоталитарными государствами.

Это был страх людей перед ужасными бесчеловечными машинами, порожденными самими людьми, людьми же поддерживаемыми и подпитываемыми.

И так хотелось, чтобы этот страх, нависший над сотнями миллионов человеческих существ и над миром, рассеялся.

Третье. Они сражались **за мир**.

За то, чтобы как можно быстрее прекратить бойню, ежедневно пожирающую тысячи и десятки тысяч жизней. Чтобы дети не сходили с ума во время бомбежек, а женщины не проклинали небо и землю. Чтобы старики мечтали хоть о чем-нибудь, кроме прекращения милитаристского апокалипсиса, а юные солдаты перестали бы думать о том, как они будут убивать таких же юных солдат в окопах напротив. Чтобы остановилась мясорубка, превращающая не только тела, но и души в агрессивную и страдающую массу.

Почти для всех это не был «мир любой ценой». Зато это была мечта не просто о «прекращении войны», но о Мире, в котором мир был бы прочен и долгов.

Четвертое. Они сражались **за свободу**.

И свобода у них была разная. И понимание этой свободы — разное. И мечты о свободе у них были разные. Но хотелось свободы — дышать, глядеть, ходить, работать, творить, мечтать, любить — почти каждому. И эти разные мечты как-то сплелись в одну необъятную, общую мечту о Свободе, которой многие из них никогда не видели, да и потом так никогда и не увидели.

Пятое. Они сражались **за человеческое достоинство**.

Каждый причастный к войне, в тылу или на фронте, маленький или взрослый, полный ненависти или милосердия, — хотел чувствовать себя человеком. Тем, кого нельзя пытать, унижать и убивать. Тем, кто рожден для каких-то прекрасных вещей. Тем, обладает особым достоинством — вне зависимости от способностей, социального статуса и завоеванного уважения. Хотелось, чтобы меня признали Человеком, и уже на этом, таком простом, вроде бы понятном и хрупком основании, запретили бы относиться ко мне как к вещам или скотине. Кто должен был признать и кто — закрепить?.. Бог вещь. Но этого так не хватало.

Шестое. Конечно, они сражались **за справедливость**.

К сожалению или счастью, и она была у них очень разная. Если бы народы-победители начали спорить о том, какая именно справедливость должна восторжествовать на земле после войны, — могла бы начаться еще одна война. Но, видимо, в послевоенном сознании (и коллективном бессознательном) стало складываться смутное представление о справедливости для каждого человеческого существа вне зависимости от идеологий, религий,

этносов, гражданств и подданств, и персональных психозов. В этой справедливости должно было быть нечто, что устроило бы после войны многих, пусть не всех, и что позволило бы долго-долго не начинать новых войн, дабы опять, в который раз не приниматься за «восстановление попорченной справедливости»

Седьмое. Быть может, сами того не зная, они сражались **за мечту об общечеловеческом единстве** и за неведомые, но ощущаемые общечеловеческие ценности.

Они, возможно, даже не мечтали, а лишь пред-ощущали миропорядок, в котором войны, насилие и геноцид были бы объявлены вне закона, а на политую кровью и отчаянием вселенской почве мог бы вырасти Новый Мир. Им снилось, что «настанет день, когда кругом все люди станут братья». Они грезили о человечестве, которое когда-нибудь преодолееет страшные болезни, нищету, голод, рабство, тоталитарное мышление — и полетит в космос. Но не для того, чтобы захватывать и порабощать новые планеты и звездные системы, а чтобы искать новых братьев и сестер, с которыми можно обживать доступные нам части Вселенной.

А в ближайшие годы и месяцы им мечталось — людям западного и восточного фронтов — встретиться посреди поверженной нацистской Германии на какой-нибудь реке и обняться. И плакать. И поклясться, что мы будем союзниками навек, и что теперь-то никакие вожди и правители не разлучат и не заставят нас убивать друг друга.

Наверное, это моя личная мечта. Мечта о таком варианте ответа на вопрос «за что на самом деле сражались наши деды». О том, почему страны-победители решили создать Организацию Объединенных Наций и положить в фундаменте всей её громады приоритет Человека и общечеловеческих ценностей — даже над суверенитетом государств. О том, как родились Всеобщая Декларация Прав Человека (ВДПЧ, 1948), Европейская Конвенция по Правам Человека (ЕКПЧ, 1950) и «Хельсинкский заключительный акт» («Хельсинкские соглашения», 1975, впоследствии породившие ОБСЕ – Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе). О том, что такой мир возможен.

Но, видимо, правы те, кто говорит, что сражение это не окончено. И если есть хоть доля правды в том, что наши деды сражались:

за разное,

за преодоление страха,

за мир,
за свободу,
за человеческое достоинство,
за справедливость,
за общечеловеческие ценности; —

если для нас, нынешних, это ценно и если мы не готовы признать, что они за всё это сражались зря и в глобальной перспективе проиграли, — мы должны принять это поле битвы под свою ответственность.

Мы всего лишь должны выбрать: нам дорога память о тех, кто сражался за всё, ценное для нас, - то есть нам дороги именно ценности, а не формальные и политизированные «слава и гордость», - или мы готовы сдать желанию сделать мир простым, расколотым, плоским и жестоким, полным самолюбования и неких вечных индульгенций для стран-победителей.

Мы можем покончить с этой войной, только если примем не только «победы и преодоления», но и весь ужас, который был совершен в том числе от имени наших стран, все те вещи, что делают победителей не только величественными, но и чудовищными. Если мы примем, что победа – это не сладкий миф, насаждаемый государствами, а тяжелая ответственность за необъятное насилие, совершенное самыми «справедливыми сторонами» этой войны.

Именно такой сложный и тяжелый выбор поможет нам всем наконец-то завершить ту войну и обнаружить, что можно жить в мире.

ИНТЕРВЬЮ : «Я ХОТЕЛ БЫ ЗАЩИТИТЬ ВСЕХ, НО НАС СЛИШКОМ МАЛО»

08.08.2014, 7x7

На днях Андрей Юров, член Совета по правам человека при Президенте РФ, вернулся из очередной командировки. Он анализировал правовую ситуацию, сложившуюся в странах Центральной Азии: Узбекистане, Таджикистане, Киргизии и Казахстане. Вердикт Юрова таков: все становится только хуже. Корреспондент «7x7» поговорил с Андреем Юрьевичем о том, почему ситуация с правами человека не улучшается, несмотря на то, что общественность уделяет правозащитникам все больше внимания, а тренинги по защите прав человека проводятся все

чаще.

— Что происходит сейчас в Средней Азии? Как обстоят дела с правами человека?

— Болевые точки остались прежними. Как и в России, это произвол сотрудников в местах лишения свободы, а также работа судов в целом. Выходит так, что треть или половина людей, сидящих в тюрьмах, невиновны. Или «не очень виновны», то есть, скажем, украли 100 рублей из магазина, а на них вдобавок изнасилование несовершеннолетней повесили. Сразу хочу оговориться: это не потому, что в полиции работают плохие люди. Вовсе нет, большинство из них очень даже хорошие и приятные. Проблема в системе, которая не позволяет тщательно расследовать дела, заставляет гнаться за выполнением плана. А еще наша система наказания толкает людей на рецидив. Мы считаем, что преступника нужно наказать, и как можно сильнее. Но ведь он потом выйдет из тюрьмы. Так вы хотите чувствовать себя безопасно или хотите, чтобы он мстил? Я вот, например, хочу гуманную пенитенциарную систему, как в Дании. Там только каждый седьмой преступник из ста идет на рецидив. Ну и, конечно, плохо обстоят дела в Центральной Азии — опять же, как и в России — с гражданскими свободами: слова, совести. Но если в стране развивается гражданский контроль, ситуация понемногу улучшается.

— Правозащитников и гражданских контролеров становится все больше, а воз и ныне там. Почему, Андрей Юрьевич?

— А почему вы решили, что нас становится больше? Я категорически не согласен с этим утверждением. В период с 1998 по 2004 годы правозащитников в России насчитывалось примерно в 100 раз больше, чем сейчас. Специально приведу статистику по таким городам-миллионникам, как Воронеж, Волгоград, Ростов-на-Дону, Самара, Нижний Новгород, Саратов... В каждом городе было примерно по 10 правозащитных групп, в каждой из групп — по 10-15 сотрудников и еще десятка два волонтеров. Итого: 150 людей на миллионный город. Сейчас средняя цифра — 2-3 человека. В Воронеже, конечно, ситуация немного лучше. Но даже у нас в городе, где базируется Молодежное правозащитное движение, просто

не хватает людей, чтобы охватить все болевые точки. Например, сейчас нам критически нужен специалист, который занимался бы украинскими беженцами и переселенцами. Но нам просто не хватает ресурсов. Помню, в 2000-х годах молодые юристы выстраивались в очередь, чтобы пройти практику в нашей организации. И на работу нам из 100 профессионалов приходилось отбирать 20. А в провинциях отток из правозащитных организаций сейчас и того больше.

— Странно, но раньше о деятельности правозащитников толком ничего не было слышно. За исключением редких случаев. А сейчас то и дело вы мелькаете в СМИ.

— Может, раньше правозащитники не были такими профессиональными, как сейчас. Но их действительно было больше. Просто потому, что заниматься правозащитной деятельностью раньше было «обычно». И безопасно. Сейчас быть правозащитником — это определенное клеймо (не обязательно в негативном смысле) в карьере или еще где-то. Неприятно и сложно сейчас быть правозащитником. наших коллег все чаще убивают. Причем раздражаем мы власти чаще региональные, местные, чем федеральные. Может, чиновники здесь просто «ближе к народу», и они понимают, что мы во многих вопросах правы, но признать это им сложно. К тому же, они не понимают, что мы за люди такие, что нам нужно. Мы же не боремся за власть, не претендуем на их кормушку.

— С другой стороны, вы чаще становитесь ньюсмейкерами именно на региональном уровне. Если в федеральных СМИ, подконтрольных государству, редко можно встретить упоминание кого-либо из правозащитников, то, например, в воронежских изданиях о ваших коллегах говорят вне зависимости от того, кто является учредителем СМИ.

— Я не вижу прямой связи между СМИ и чиновниками. В Воронеже, скорее, сложилась особая ситуация. Вот я точно знаю, что в Краснодаре все не так. Так что не стоит в данном случае судить по Воронежу.

— Не кажется ли вам, что некоторые правозащитники могут

пользоваться ситуацией, чтобы «засветиться», а затем уйти в политику?

— Мне часто приходится объяснять, что защита прав человека — это не политическая деятельность. Мы не противостоям власти, у нас ведь нет цели сменить ее. Главная наша задача — заставить любую власть функционировать в соответствии с законом. И неважно, кто президент. Ведь что такое «права человека»? Подписав Конвенцию, государство взяло на себя ответственность соблюдать определенные международные нормы и права человека. В этом смысле правозащитнику все равно, кто стоит у власти, лишь бы она соблюдала закон. Поэтому правозащитник всегда будет как бы оппонировать власти, требуя от нее защиты прав человека. Но мы не требуем от власти, чтобы она ушла. Мы просто призываем действующую власть стать более человеческой.

— Но тем не менее вы постоянно критикуете действующую власть.

— Конечно, если она нарушает права человека, мы будем продолжать это делать, пока она не исправится. Но наше отличие от политиков — оппозиционных, которые тоже критикуют власть — у нас нет двойных стандартов. Нас часто обвиняют в том, что мы симпатизируем Западу. Это не так, мы не в восторге от любой власти, которая нарушает права человека. Например, я считаю, что американская власть «распоясалась». Разгоны оккупации просто безобразны, да и последние события в Миссури отвратительны. Тут мы опять возвращаемся к теме гражданского контроля: раньше американцы внимательно следили за работой правоохранительных органов. Граждане «раслабились» — и вот вам результат. В то же самое время, я хвалю в том числе и нашу власть тогда, когда она этого заслуживает. Например, я считаю, что закон об Общественных наблюдательных комиссиях — один из лучших, образцовых, причем на всем пространстве ОБСЕ.

— И все равно, если говорить о политиках и общественных активистах, лояльных к вашей деятельности, то это люди, придерживающиеся либеральных взглядов.

— Возможно, им просто в каком-то смысле выгодно использовать нашу позицию. Государство очень часто нарушает права человека, мы ее критикуем. Наверно, поэтому кажется, что мы такие яркие оппозиционеры. А сейчас любой такой запашок оппозиционности раздражает власть. Поэтому заниматься защитой прав человека стало так же сложно и неприятно, как и прямой политической деятельностью. Но у нас есть только одна цель — восстановить справедливость. У нас нет в этом смысле политической ориентации. И еще: сама концепция «прав человека» — то есть приоритет интересов отдельного человека над интересами государства, спасения Сократа над властью толпы — противостоит тоталитарной модели, где человек — всего лишь винтик в системе.

— Но вы на тренингах своим слушателям постоянно говорите, что права человека — это защита меньшинств, а это утверждение противоречит демократическим основам.

— Видимо, вот тут мы с большинством либералов и расходимся во взглядах.

— Помню один случай. В Воронеж к родственникам приехала активистка из Луганска. Она обратилась за помощью к одному адвокату, который на своей странице на Фейсбуке высказывает явную симпатию к сторонникам «единой країны» (единой страны — прим. ред.). Хотя адвокат в помощи не отказывал, беженка из Луганска сама не захотела просить у него защиты — по причине идеологических разногласий. Вот как вы считаете, не могут ли политические предпочтения помешать правозащитнику, скажем так, исполнить долг?

— Это скорее был единичный случай. Мои высказывания, особенно в последнее время, неприятны для всех политических сил. А я ведь говорю с правозащитной точки зрения. Когда я вернулся с Востока Украины, я рассказывал о массовых случаях пыток ополченцами мирных жителей — это было неприятно российской стороне. Но я упоминал и факт недостаточно избирательного обстрела со стороны нацгвардии — это неприятно украинцам. И говорил я это все вовсе

не для того, чтобы кого-нибудь «прищучить». Мне не платят за мое мнение, мне важно самому разобраться в ситуации. Я понимаю, что часто говорю обидные вещи для обеих сторон, но если вы хотите, чтобы о вас все отзывались хорошо — так прекратите военные действия. Несмотря на это, я продолжаю помогать людям. По вопросам беженцев мы сейчас сотрудничаем с разными силами, в том числе и с далеко не либеральными. Мы помогаем им вне зависимости от того, какие силы на Украине они поддерживают. Многие люди знают лично меня, или кого-то из «Мемориала», или Светлану Ганнушкину... И они знают, что хоть мы и придерживаемся определенных позиций, но мы люди честные. И вообще, по поводу предпочтений... Я не знаю, никогда не проводились исследования по поводу политической ориентации российских правозащитников, но я уверен, что многие из наших ребят, скажем, в вопросах экономики придерживаются скорее левоцентристских взглядов. Таких сейчас называют «новыми левыми». Но все же, нам человек сам по себе интересен, и в этом смысле мы, конечно, либералы. Корень «либеро» значит «свобода» — свобода читать, говорить, что тебе хочется (не нарушая закон, конечно), создавать организации...

— ...и дороги перегораживать.

— Если в селе пытаются закрыть последнюю больницу и людей придется возить за 40 км, из-за этого они в отчаянии перекрывают трассу, то это приемлемо. Я не сторонник таких мер, но если кто-то считает, что это поможет что-то решить, он имеет на то право. Я не оправдываю таких людей, я просто их понимаю: во имя чего они дороги перегораживают.

— И тем самым мешают проезду не только чиновников, против действий которых они выступают, но и массы других людей. Если обобщить, то не мешают ли интересы меньшинств развитию общества в целом?

— Прорыв в культуре и других областях создают не толпы, а сократы. Не те тысячи, которые голосовали за его смерть, а те пять учеников, которые просили оставить его в живых. А по поводу интересов массы — думаю, тут примера Третьего Рейха будет

вполне достаточно. Те, кого убивали толпы, создавали цивилизацию века. Толпа может вестись на низменные вещи. В этом ли развитие общества? Наверно, в этом смысле мы не очень-то и демократы. Прогресс — это видеть отдельные лица. Я убежден, что общество развивается там, где защищены единицы. Как говорил Лебон, толпа дворников ведет себя так же, как толпа академиков. Историю творят личности и творческие коллективы, а не толпы и не массы. Дома строят организованные команды строителей. Толпа же может только разрушить дом, но не возвести его. Для меня концепция «прав человека» — это не про права, а именно про человека. Это про то, чтобы видеть в каждом, пусть даже неприятном вам, человека. Неважно, сидит он в тюрьме или сидит он на троне. Если бы людей, которые относятся ко всем людям, как к людям, было бы больше, то войн и конфликтов было бы меньше. Если бы правозащитников было больше, не было бы всего этого кошмара на постсоветском пространстве. Лично я хотел бы помочь всем, но у меня просто физически нет столько времени, да и я не во всех областях права специалист. Я хотел бы защитить всех, но нас действительно слишком мало. Из-за этого мы оказываем в сто раз меньше помощи, чем это необходимо.

ПРАВозащитник Андрей Юров: «ПОКА ВЫ САКРАЛИЗИРУЕТЕ СУД, ВЫ БУДЕТЕ ЖИТЬ В ГУЛАГЕ»

27.03.2014, 7x7

На прошлых выходных в Москве собрались люди, для того чтобы пройти базовый курс по правам человека. Они приехали из разных регионов: Воронеж, Сыктывкар, Минск, Киев, Крым, Бишкек, Вильнюс. Были и местные — москвичи. Семинар провел правозащитник Андрей Юров. Субботу и воскресенье участники практически безвылазно провели в Сахаровском центре, где говорили о концепции прав человека, истории ее развития и о применении знаний на практике. Интернет-журнал «7x7» предлагает вам краткий конспект лекций, сдобренный историями, рассказами и анекдотами Андрея Юрьевича. А в конце текста вы можете, как говорится, найти список дополнительной «литературы».

Горящие глаза и правду нельзя кинуть на чашу весов

— Первое, что необходимо понять: семинары по свержению правительства я пока вести не собираюсь, — сразу расставляет все точки над «і» ведущий семинара. — Я буду рассказывать лишь о том, как можно защищать права человека, признавая нынешнюю действующую власть.

— А вы расскажете, можно ли как-нибудь предотвратить подписание глупых законов? — задают вопрос из зала. — Например, сейчас меня волнует то, что собираются запретить иностранное оборудование в больницах. Врачи говорят, это будет в прямом смысле смертельно для пациентов...

— Боюсь, это к вопросу о свержении власти, — похоже, вовсе не шутит Андрей Юров.

— Теперь попытаемся разобраться, что же такое права человека, — продолжает правозащитник. — За последние 20 лет мы слишком часто слышим это словосочетание, поэтому считаем, что если мне наступили на ногу в троллейбусе или не повысили по службе — это все нарушения прав человека. Но это далеко не так.

Андрей Юрьевич объясняет, что проблема в понимании понятия начинается уже с определения составных слагаемых «прав человека»: человеческого достоинства, свободы, равенства, справедливости.

— Возьмем такое громкое слово как «свобода», — поясняет правозащитник. — Скажем, в Чечне «свобода» толкуется как «свобода от искушения», поэтому они заставляют своих женщин носить хиджабы. Если честно, я им завидую: искушаться только при одном виде женского лица — это ж каким мужским здоровьем нужно обладать, — восхищается Юров. — Я вовсе не издеваюсь над другими пониманиями концепции свободы. Я просто подчеркиваю, что мы никогда не сойдемся на чем-то одном, и это нужно принимать как данность.

— Еще одно спорное понятие — это «правосудие», — продолжает рассуждать Андрей Юрьевич.

— Существует две концепции, условно назовем их западная и восточная. Во втором случае процедура — ничто, результат — все! Судья словно мудрый Соломон. В западной концепции упор делается на честность самой процедуры.

— Но ведь суд устанавливает истину, тогда в чем разница между этими подходами? — удивляются присутствующие.

— Интересно, как так исковеркал ваше сознание «Первый канал»? — искренне недоумевает правозащитник. — Не зря ведь главный символ правосудия — слепая женщина с весами. Суд всего лишь устанавливает факты. До тех пор, пока вы его сакрализируете, мы будем жить в ГУЛАГе. На чаши весов кидаются разные аргументы: экспертизы, прецеденты. Горящие глаза и правду нельзя кинуть на чашу весов.

Есть и более сложные понятия

— Пандусы — это не справедливость и свобода. Они просто есть или их нет. Вы знаете, сколько людей в мире, по статистике, прикованы к коляскам? 0,1-1%. В России процент значительно больше, так как только за последнее время мы пережили две чеченские войны. Считаем: на 20-миллионную Москву колясочников приходится примерно 100 тысяч. Вы видите их? На Западе сталкиваешься с ними прямо в аэропорте. Потому что есть пандусы.

— Мы все принадлежим сотням меньшинств, — неожиданно заявляет Юров, — по этническому, конфессиональному, политическому признаку... И когда власть большинства отправляет вас, меньшинство, в лагеря, лишает доступа к правосудию — тогда ситуация становится нестерпимой. Права человека были придуманы вовсе не для того, чтобы всем жилось хорошо — это невозможно. Это было сделано, чтобы хоть как-то помочь меньшинству защититься от всевластия большинства: права человека словно универсальный щит.

— А количество ЛГБТ вы знаете? — приводит другой пример Андрей Юрьевич. — Средняя цифра, на которой сходятся статистики, — 5%. Правда, это не работает в Ингушетии и Чечне. Там, похоже, есть специальный озоновый экран. В поезде Москва-Грозный при пересечении границы 5% мгновенно превращаются в 0%. Но вернемся к той же самой Москве. Выходит, там миллион людей с нетрадиционной ориентацией. Иногда важно просто представить масштаб меньшинств.

— Вообще, вы знаете, что такое человек? — внезапно спрашивает у собравшихся Андрей Юров.

— Homo sapiens, — незамедлительно раздается ответ.

— Тогда как определить принадлежность к homo sapiens? Когда человек становится человеком? В законодательстве РФ, например, нерожденный ребенок не считается человеком. Выходит, беременная женщина, потерявшая ребенка из-за нападения хулиганов, может подать заявление только по факту причинения ей физического вреда, но не убийства. Во многих европейских странах зародыш в возрасте нескольких недель уже считается человеком. А в исламских странах — с момента зачатия. Право на жизнь — священное право человека. Но единого стандарта, когда начинается жизнь, нет.

— Или другой пример — можно ли защищать, скажем, террористов, маньяков, «бандеровцев»?.. Главное свойство пропаганды — никогда не называть другую сторону людьми. Тогда их можно мочить, ликвидировать, зачищать... Нам каждый день говорят, что какая-то часть людей — нелюди. И этому очень тяжело сопротивляться. «Язык — фашист», как сказал Фуко. Кстати, признаюсь, мы помогали и фашистам. Сначала помогали им сесть по 282-ой статье, затем защищали от несправедливого суда. Правозащита начинается не с принятием прав, а с принятием людей.

У вас в голове должен быть специальный локатор

— Давайте теперь разберемся, что такое общественная проблема, или, как говорят на Западе, общественный интерес? — задает вопрос Андрей Юров.

И дает задачу — на размышление:

— Представьте, что вы сидите не берегу реки. И вдруг видите: река мимо вас проносит тонущего ребенка. Ваши действия?

Единогласно решено, что надо его спасать.

— Сидите вы дальше — и вновь видите тонущего ребенка. Вы и его спасаете. Но поток тонущих детей не прекращается. Вы поднимаетесь вверх по реке — и видите огромного монстра, который по очереди выкидывает детей в реку. И что вы будете делать теперь?

— Надо строить баррикады! — кричат девушки из Украины.

— Ага, и жечь крыши... — ухмыляясь, добавляет кто-то.

— Это все американцы! — продолжают шутить собравшиеся.

— Я дальше пойду пиво пить, — смеется кто-то.

— Знаете, я заметил печальную тенденцию, — резюмирует Андрей Юрьевич. — За последние 8 лет только в одной группе не было предложено ни одного варианта ухода от проблемы: «Уйти пить пиво». Для молодежи сейчас проблемы не реальны, они виртуальны: достаточно просто выключить компьютер. «Молиться» — тоже популярный вариант за последние лет пять. Видимо, у нас кончаются физические силы, и мы начинаем надеяться на метафизические. Но хорошо, что до сих пор встречаются варианты типа «поговорить с монстром» — действительно, вдруг он просто не понимает, что поступает плохо? Или «предупредить детей об опасности» — работа с жертвой, тоже верный подход.

— Когда вы решали задачу, внутри вас сработал некий локатор, который должен быть у всех правозащитников, — объясняет Юров. — Вот у Игоря Сажина, члена «Мемориала» из Сыктывкара, он определенно есть. Был такой случай: одна бабушка судилась с соседом — что-то они на своих участках не поделили. Эта бабушка пришла в правозащитную приемную, стала рассказывать о своей беде. Но спор по поводу участка — это не поле деятельности правозащиты — с этим нужно разбираться в судебном порядке. Но тут она вдруг сказала: «Пошла я в канцелярию, а она на верхнем этаже. А я же старенькая, мне тяжело по лестницам подниматься...» И Сажин понял — вот она, общественная проблема! И решили они ее так: засняли на видео, как бабушка, крихтя и охая, поднимается в канцелярию. В общем, устроили шоу, но оно было честным — поэтому и помогло решить проблему. Но если бы они в подобном случае допустили бы какой-нибудь обман — это бы стало уже пиаром. И тогда это не сработало бы.

9,5 шагов к изменению мира

О том, как правильно действовать в защиту общественного интереса, Андрей Юров вновь поясняет в образах:

— Представьте, что проблема — это большая, длинная стена. Ее нужно разрушить. Для этого есть два способа. Первый — рушить там, где стоишь. А вдруг это самое толстое место? Второй, более продуктивный, — найти слабую точку, самый хрупкий кирпич. Затем его нужно внимательно исследовать. Сделав выводы, разработать план действий: именно по отношению к этому кирпичу, а не к

целой стене! В первую очередь, нужно понять, кто наши реальные союзники, кто враги, а кто пока что придерживается нейтралитета. Вот на них в первую очередь и нужно «работать».

— Следующую стадию я условно называю «Контакт первый», — продолжает разъяснять технологию Андрей Юрьевич. — Не стоит сразу выходить на митинг: изначально нужно пытаться разрешить проблему с помощью правовых механизмов. Иначе подойдут к вам журналисты и спросят: а к тому-то обращались? Что вы ответите? Что про вас напишут? Не забывайте при этом работать с группами: необходимо консолидировать союзников, «раздавить» противников и вызвать симпатию «нейтралов». Затем время установить «контакт второй» — предложить виновному в проблеме лицу ультиматум. Это должно быть такое вежливое обращение: либо мы приступаем к переговорам, либо наша кампания станет еще интенсивнее. Если с вами идут на контакт — это прекрасно. Заключайте соглашение: но только либо письменное, либо под камеру.

— А вот до следующего пункта лучше бы не доводить, — предупреждает правозащитник. — Но к ней придется обратиться, если с вами не пойдут на контакт. Она называется «кампания прямого давления». Есть две технологии: разрыв отношений с властью или создание помех для власти — перекрытие трасс, зданий. Сюда же можно отнести практику забастовок по-итальянски — идиотски пунктуальным образом выполнять идиотские предписания. Но помните, что если вы начинаете голодать, то вы должны быть готовым умереть. Но побеждать — это не про героизм. Победитель решает проблему, а герой умирает под стеной.

— И, наконец, остался самый важный пункт, — отмечает Андрей Юров, — про который, к сожалению, многие забывают — гражданский контроль за исполнением соглашения.

— Но вы перечислили только девять шагов, — замечает внимательный слушатель. — А что же такое половина?

Андрей Юрьевич вспоминает старый, не очень политкорректный анекдот.

Приходит маленький, слабоумный мальчик в аптеку и спрашивает:

— Дайте, пожалуйста, хлеба.

— Мальчик, это аптека, здесь нет хлеба.

Расстроенный, мальчик уходит. На следующий день история повторяется:

— Здравствуйте, дайте, пожалуйста, хлеба.

— Мальчик, мы вчера уже объясняли тебе, что здесь аптека. Мы продаем лекарства, таблетки, а хлеб можно купить в гастрономе.

Эта история продолжалась несколько дней. Под конец добрая аптекарша сжалась над мальчиком и решила купить хлеба — специально для него. Мальчик, как обычно, пришел на следующий день. Аптекарша, улыбаясь, сказала:

— Мальчик, здравствуй! Вот, держи свой хлеб.

— А зачем мне хлеб? Я за молоком пришел.

— Но ты же спрашивал про хлеб...

— Так хлеб я уже в другой аптеке купил.

— Так вот, — комментирует Андрей Юрьевич, — правозащитник и должен быть таким вот слабоумным мальчиком, который будет обивать пороги, пока не добьется изменения ситуации. Последние полшага — это «на колу мочало — начинай с начала»...

В заключение Андрей Юров провел небольшой опрос: что после семинара хотелось бы участникам? Пусть участники немного устали от двухдневного «просвещения», огонь в их глазах не погас — лишь сильнее разгорелся. Приехавшая из Симферополя Алена Лунева решительно заявила, что она вновь обрела силы вернуться на родину и помогать людям бороться за свои права:

— Признаюсь, я была удивлена: у собравшихся здесь людей не было заранее заданного мнения, продиктованного телевидением. Я уже прошла сотни подобных школ, поэтому мне скорее была важна площадка для обсуждения.

С ней солидарен и молодой человек из Беларуси (он вежливо поправил: не Белоруссии), представившийся Антосем:

— На постсоветском пространстве очень много похожих проблем. Сейчас крайне важен обмен опытом между правозащитниками.

Кто-то пришел обрести поддержку своих взглядов. Например, Сергей Блохин, московский журналист-фрилансер «Афиша-город»:

— У моего отца просто аллергия на словосочетание «права человека»... А здесь я встретил людей, которые солидарны с моими взглядами. Я понял, что правозащитная деятельность в России необходима, как вода, после 6 мая. Я тоже был на Болотной, не

совершил ничего противоправного — лишь мирно протестовал. И меня чуть было не задержали... Каким-то чудом я увернулся от ОМОНовцев, которые шли прямо на меня. Теперь я понимаю, что на месте узников Болотной мог бы быть и я.

Семинар, как оказалось, заинтересовал не только братьев-славян. Джованни Маспес, 20 лет назад приехавший в Россию из Милана, тоже провел выходные в Сахаровском центре. В Москве он преподаёт итальянский как родной, историю, географию в школе при посольстве Италии:

— Мне просто стало интересно. Хотелось понять общую философию с исторической точки зрения. Записался на мастер-класс «Просвещение». Мне близка тема прав человека, когда я жил в Италии, я много занимался благотворительностью, работал с детьми, был гражданским активистом.

ИНТЕРВЬЮ : «Я ЭТНИЧЕСКИЙ СКИФ»

Лиля Воек, 20.06.2013, Красное знамя

19 июня в Сыктывкаре побывал член Совета при Президенте РФ по правам человека Андрей Юров. Он провёл встречу с гражданскими активистами и членами КПК «Мемориал», встретился с представителями МВД, Следственного комитета и Администрации Главы РК. Вечером, во время благотворительного плова, где собирались средства на проведение второго баркемпа, Андрей Юрьевич дал интервью газете «Красное знамя».

– Итак, чем вызван ваш приезд?

– Я появился здесь в связи с тем, что в Коми произошли серьёзные события. Срыв заседания КПК «Мемориал», а также появившиеся вслед угрозы в адрес членов «Мемориала» и их семей, что совершенно недопустимо. «Мемориал» входит в десятку самых известных общественных организаций России. Когда мы узнали о том, что происходит в Сыктывкаре, возникло сразу две параллельных инициативы, которые я здесь и представляю.

Первое. 10 июня была создана международная миссия поддержки

правозащитников Коми, которая для данного региона получила кодовое название «Но пасаран».

– «Не пройдут» – кто? Кого вы имеете в виду?

– Радикальные нацисты. Цель нашей миссии – обеспечить защиту членам правозащитной организации, ну и, может, шире – гражданских активистов. Миссия объявлена бессрочной и будет официально свёрнута, лишь когда ситуация в регионе, с точки зрения самих правозащитников, вновь станет нормальной. До тех пор, пока они не сочтут, что никаких угроз для них нет. Такой формат международной поддержки, к слову, объявлен впервые, причём не только в России, но и в СНГ. Территория Коми на сегодняшний день окрашена в красный цвет: угроза для правозащитников.

Второе. Есть Совет по правам человека при Президенте РФ, где Игорь Сажин является экспертом одной из постоянных комиссий. Так получилось, что я тоже имею отношение к этому Совету. (Я представляю, таким образом, здесь две организации.) Как члена Совета коллеги меня попросили съездить в Коми и посмотреть на ситуацию изнутри. По возвращении я буду общаться с федеральными структурами, входящими в Совет, с омбудсменом Лукиным и рассказывать, что и как, на мой взгляд, здесь происходит. Насколько угрозы, о которых говорят местные правозащитники, сильны.

– После всех встреч в Сыктывкаре в каком мнении вы укрепились? Есть реальная угроза или наши правозащитники несколько сгущают краски?

– Мне кажется, что от группировки под названием «Рубеж Севера» и от тех людей, которые эти акции проводили, реальной угрозы для жизни и безопасности правозащитников нет. Но. Но проблема заключается в том, что (по опыту других регионов) часто бывает так: начинают акцию одни, пусть даже радикальные группы, но не готовые на насильственные действия, а дальше её неминуемо подхватывают другие люди, которые абсолютно не связаны с организованными и контролируемыми группами. И тогда ситуация может развиваться непредсказуемо. Волна, которую «Рубеж Севера» поднимает, может привести к трагическим последствиям.

Мы встречались сегодня с представителями гражданского общества, и я слышал от них много нареканий по поводу работы правоохранительных органов, прежде всего МВД. Жалобы на то, что не реагируют, на бездействие, небрежное отношение, непонимание уровня угроз.

– Как прошла ваша встреча в Администрации Главы РК?

– Я встречался с человеком, который не занимает такого уж большого поста (речь идёт о начальнике Управления информации Павле Марущаке – Л.В.). Я передал ему два предложения, исходящие от председателя президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека Михаила Федотова. Они оба позитивные и связаны с федеральной программой по увековечиванию памяти жертв политических репрессий. Коми является одним из ключевых регионов в этом плане, и было бы очень важно укрепить сотрудничество с властью по этому поводу.

– В этом вопросе было полное взаимопонимание?

– По крайней мере, мы выразили взаимный интерес. Второе предложение было о том, чтобы заключить специальное соглашение между властью и нашим Советом. Оно подразумевает, что в регионе проходили бы какие-то открытые мероприятия с участием членов Совета. Мне было поручено передать официальное предложение администрации региона о такой форме сотрудничества.

– А что по поводу ситуации с правозащитниками?

– Я выразил озабоченность наших федеральных структур, связанную с правами человека в Коми. Республика Коми и Сыктывкар всегда были образцом и примером очень сильной работы правозащитных организаций. Не всегда было полное взаимодействие, но, по крайней мере, конструктивная работа правозащитников и власти. Никогда никаких серьёзных и дестабилизирующих моментов – и вдруг такая ситуация! Если не считать громкие дела 2009 года, когда были убиты правозащитники в Чечне и в Москве, таких явных угроз личной безопасности людей давно уже не было ни в одном регионе России.

Это, конечно, вызывает озабоченность. Более того, это может стать предметом обсуждения разных структур на федеральном уровне, и я попытался донести до ваших властей и правоохранительных органов, что они должны серьёзно отнестись к этому. Серьёзно подумать о том, что это не игрушки! Информационные войны могут закончиться трагически. К сожалению, Сыктывкар уже сильно «прославился» на федеральном и на международном уровне, и «замять» это не удастся. Письма в прокуратуру и вашему губернатору уже пошли и из России, и из других стран, но у власти региона ещё есть шанс сохранить своё лицо, если она быстро примет меры.

– Понял ли это чиновник, с которым вы говорили, или просто обещал передать выше?

– Мне он показался человеком неглупым, значит, наверное, он не может не понимать, что если что-то происходит в регионе, то у руководства могут быть различного рода неприятности. Потому что будут склонять имя региона. У России и так на международной арене разные неприятности, не хватало ещё, чтобы говорили о правозащитниках Коми, которых тут травят и обижают. Это лишнее.

– Тем более сейчас, когда мы так озаботились своим новым имиджем. Хотим, чтобы в Коми приезжали инвесторы и туристы...

– Да, это совершенно лишнее. Международные организации, так же как и журналисты, очень чувствительны к этому. Вот, говорят, что правозащитники ищут скандала. Нет! Им абсолютно это не нужно. И я лично буду только рад сообщить, что всё удалось конструктивно разрешить, что были приняты меры и в Коми всё хорошо.

– Как становятся правозащитником? Вы давно занимаетесь этой работой?

– Это длинная история, она относится к другой эпохе. Я попал в это дело ещё студентом, когда учился в Воронежском университете и, будучи физиком, попал в диссидентские литературные круги. Ничем крамольным мы не занимались, всего лишь самиздатом. Печатали то,

что сегодня можно прочитать в Интернете и купить в любом магазине. От Всеобщей декларации прав человека до Солженицына. Это было настолько невинно, но, тем не менее, это была деятельность, которая тогда не поощрялась. Я попал в организацию, за вступление в которую у меня могли быть неприятности. В 1988 году за это уже не сажали, но легко могли выгнать из комсомола и из вуза. Наш профсоюз литераторов и журналистов был нелегальной организацией, таким образом, у меня есть три года подпольного стажа. Это было скорее общегуманистическое, чем правозащитное движение. Хотя были у нас и правозащитные лозунги: свобода слова, свобода собраний...

...Объяснить, почему я занимаюсь правами человека, невозможно. Ничего, кроме огромного количества неприятностей, бед и угроз, я с этого не имею. Очень хорошо определил это состояние один псевдопсихолог во время процесса над «Pussy Riot»: «расстройство личности в виде активной гражданской позиции». Я ничем другим, кроме такого же «расстройства личности», объяснить свой выбор не могу.

– Говорят, вы называете себя скифом, это так?

– Да, и во время переписи написал – скиф. Я себя так ощущаю. Но это очень длинный разговор, совершенно в другую сторону и не имеет к правам человека никакого отношения. Я этнический скиф. Мне интересна тема, кто мы такие и что такое современный этнос. Насколько это кровь и почва, или это социальный выбор и некий антропологический конструкт... Это серьёзный разговор на долгие часы.

– А ещё, говорят, вы пишете книжки про драконов...

– Нет, я участвовал в переводе трактата Яна Словика о драконах на русский язык. Главным переводчиком выступал Константин Георгиев, а поскольку там было много терминов, связанных с физикой и психологией (а я по второму образованию психолог), то нужны были специалисты, которые хорошо понимают, что это такое.

– «Юноше, решающему делать жизнь с кого...» и желающему стать правозащитником, что посоветуете? С чего начать?

– У нас есть такая листовка под названием «Почему не стоит заниматься правами человека?». Я бы предложил начать с того, чтобы осознать, что там написано. Сложность, противоречивость, трудность этого пути. И затем, если не отступил, то найти какие-то организации, в которых можно этому учиться. Это только кажется, что защищать права человека – это простая любительская работа. Это ведь не просто активистом стоять и что-то орать на площади. Это профессиональная работа. Я много лет этому учился и не могу сказать, что уже всему научился.

Для меня правозащитник – это человек, который выбрал путь изменения мира. Но для этого то, что происходит в этом мире, должно активно не нравиться. Мне, например, не нравится, что происходит сейчас в Сирии, в Стамбуле, в Чечне... Должны быть неравнодушные к тому, что происходит, желание это изменить и вера в то, что это возможно.

– А ещё?

– Ещё нужно читать хорошие художественные книжки. Про мужество, дружбу, честь, солидарность, способность идти во имя мечты на преодоление какой-то опасности. И обязательно посмотреть два фильма: «Тот самый Мюнхгаузен» и «Убить дракона».

ИНТЕРВЬЮ : РАССКАЗ О МЕЖДУНАРОДНОМ МОЛОДЕЖНОМ ДВИЖЕНИИ

Ирина Лагунина, 30.01.2009, Радио Свобода

Ирина Лагунина: С 26 по 30 января в Страсбурге проходит конференция международных неправительственных организаций под эгидой Совета Европы. В ее работе впервые в качестве полноправного члена принимает участие Международное молодежное правозащитное движение. Статус полноправного члена присваивается организациям, доказавшим свою эффективность и компетентность в развитии европейских правозащитных проектов. МПД получило его 29 декабря прошлого года. Рассказывает Людмила Алексеева.

Людмила Алексеева: В 2008 году исполнилось 10 лет с тех пор, как в России возникло молодежное правозащитное движение – МПД, со временем превратившееся в Международное молодежное правозащитное движение. У истоков этого движения стоял Андрей Юров, правозащитник из Воронежа. Сейчас он, будучи консультантом Московской Хельсинской группы, является почетным президентом ММПД. Именно его я попросила рассказать о нынешнем состоянии Международного молодежного правозащитного движения.

Андрей Юров: Можно, наверное, какие-то подвести итоги, потому что это в каком-то смысле уникальная организация, наверное, подобная в свое время уникальной инициативе Московской Хельсинской группы и международного Хельсинского движения, которая родилась в России и стала одной из крупнейших составляющих современного правозащитного движения, без которого просто немыслимо современное гражданское общество мира. Как без «Международной амнистии» невозможно представить, так же невозможно представить без современного международного Хельсинского движения. Но это случилось много лет назад, в 75-76 году в связи с хельсинским процессом. А вот уже в конце 90-х, в 98 году возникло, вначале вроде бы в России, правда, в самом начале принимали участие отдельные активисты из Украины и Белоруссии, возникло Международное молодежное правозащитное движение, которое по-прежнему имеет штаб-квартиру именно в России.

Людмила Алексеева: И даже не столько в Москве, сколько в Воронеже.

Андрей Юров: По большому счету это не организация - это поколенческий проект, это свободная сеть гражданских и правозащитных активистов и отдельных правозащитных организаций, которые сейчас, мы подводили итоги в этом году, очень смешно, обнаружилось, что у нас есть корреспонденты и участники в 37 странах. То есть это не только бывший СССР, это не только Восточная Европа, это совершенно экзотические иногда страны. Как люди узнают, невозможно, понять, у нас, конечно, сайт и на русском, и на английском, и есть возможность доступа. Но уникально, что люди из Африки Азии вдруг узнают о том, что есть некое движение, которое

пытается создать новое поколение гражданских и правозащитных активистов к нему как-то присоединяться. И последний год, наверное, был связан особенно с бурным развитием наших проектов и наших связей на постсоветском пространстве, то есть это огромная работа с Белоруссией и в том числе многие белорусские правозащитники, которые до этого мыслили себя прежде всего в рамках своей страны, вдруг увидели, что есть широкое правозащитное движение которое небезразлично к их судьбам, которое очень серьезно озабочено проблемами солидарности и готово им помогать.

Людмила Алексеева: Это тоже новаторство?

Андрей Юров: Одной из особенностей правозащитного движения после разрушения Советского Союза - это как раз национальная обособленность и лишь отдельные люди, которые всем известны и привыкли ездить, лишь отдельные люди привыкли мыслить чуть шире, чем в рамках национального правозащитного движения. То же самое за последние два года произошло в Украине, произошел серьезный прорыв в Киеве, при поддержке в том числе Московской Хельсинской группы был создан Центр гражданских свобод, одной из целей которого стала интеграция правозащитного движения постсоветского пространства. Программа солидарности, программа взаимной поддержки, программа обучения. И ММПД был одним из инициаторов создания подобных центров в Украине. Очень важной инициативой была в августе инициатива грузино-российского гражданского диалога. В тот момент, когда страны воевали, мы отправились с миссией гуманитарной в Грузию, и прежде всего нашей целью было понять, как можно восстанавливать гражданские отношения, отношения между гражданскими обществами. Потому что если правительства имеют возможность между собой ссориться и ругаться, то два братских народа такой возможности не имеют. Нам жить тысячелетия рядом. И гражданские общества должны быть более мудрыми и более долговидными, чем временные правители и более миролюбивыми, более гуманными, безусловно. Потому что нам действительно многие столетия жить, а правители пришли и ушли.

Людмила Алексеева: Почему именно Воронеж стал центром

Международного молодежного правозащитного движения?

Андрей Юров: Воронеж играет скорее роль исторически, то есть действительно штаб-квартира возникла в 98 году в Воронеже, но так исторически сложилось. И это город хоть и провинциальный, но миллионник, во-вторых, он довольно удобно географически находится, то есть он находится на юг от Москвы и на границе с Украиной. Наверное, если бы находился географически где-нибудь далеко, было бы тяжело.

Людмила Алексеева: А какова роль ММПД в правозащитном сообществе?

Андрей Юров: Молодежное правозащитное движение прежде всего связано с новым молодым поколением людей, которые с одной стороны совершенно искренне хотят продолжить традицию диссидентов, шестидесятников и многие ценности не менее важны для этих молодых людей, чем для шестидесятников. Преемственность есть, и это не только общие идеи прав человека, это иногда какие-то тексты, какие-то песни, то есть буквально на уровне субкультуры. Но с другой стороны, это все равно новое поколение. То есть у него кроме старой субкультуры есть новая культура. В этом смысле, конечно, молодые люди пытаются мыслить не рамками национальных границ, а мыслить намного шире. И именно поэтому может быть есть группа ММПД в Берлине, есть группа ММПД в Стокгольме, есть наши активисты в Италии, есть наши активисты во Франции, в Будапеште. Многие из этих людей занимаются очень важными вещами, которые, наверное, одинаково важны для всей Европы. Например, проблемы ксенофобии, борьбой с фашизмом, борьбой с нетерпимостью, защитой прав мигрантов, миротворчеством, противодействием ненависти и разжиганию войны.

Людмила Алексеева: Каким образом происходит взаимодействие между ними, что необходимо, чтобы они чувствовали себя причастными к одному движению?

Андрей Юров: Реально общаются люди, находящиеся в

Центральной и Восточной Европе и отчасти в Центральной Азии, то есть те, у кого есть возможность регулярно встречаться. Все остальное – это интернет, телефон и современные средства коммуникации. По крайней мере, стран 20 - это люди, которые постоянно общаются друг с другом, постоянно кто-то ездит, постоянно идут обмены. Сейчас есть очень серьезная программа волонтерского обмена, которая направлена на то, чтобы молодые люди ездили друг к другу не просто, как это распространено в Европе, чуть-чуть пожить, а ездили заниматься реальной правозащитной деятельностью. Человек приезжает на несколько месяцев не просто дурака валять или язык учить, а едут реально помогать какой-нибудь современной антифашистской организации, которая испытывает потребность в этом или заниматься образованием и просвещением. Конечно, молодежные правозащитные движения, честно говоря, развиваются намного медленнее и слабее, чем нам бы хотелось, но все-таки играет очень серьезную роль в том числе и во многих акциях солидарности, когда ни одна серьезная инициатива, по крайней мере, на постсоветском пространстве по правам человека международная не обходится именно без молодежного правозащитного движения. Само ММПД выросло благодаря ряду просветительских образовательных программ - школа социального творчества «Старт», школы по правам человека, международные студенческие школы прав человека, прав студентов и так далее. Совместно с Московской Хельсинской группой и Центром гражданских свобод в Киеве удалось возродить регулярные сезонные так называемые школы прав человека. Киевские школы на базе Центра гражданских свобод, они как раз больше ориентированы на молодежь, а летние и зимние Московской Хельсинской группы ориентированы как на молодежь, так и на более взрослое поколение правозащитников. Но очень важно, что по-прежнему продолжается очень много молодежных программ. Специально для этого была разработана международная студенческая школа прав человека, прав студентов, которая в основном проходит не в России, а в Украине и в Белоруссии. Это огромное количество семинаров по теме толерантность и антифашизм.

Людмила Алексеева: А учителя кто?

Андрей Юров: Половина молодежь, но естественно, и старые эксперты и в этом смысле для нас это очень важно, чтобы обеспечилась связь поколений. Для нас очень важно видеть молодежное правозащитное движение не абсолютно новым движением, таким нигилистическим, отрицающим старое, а все-таки продолжающим замечательные, уникальные традиции советского правозащитного движения 60 годов. Но это можно сравнить с французской студенческой революцией 60 годов и движением за гражданские права и антивоенное движение в Соединенных Штатах. То есть это такое очень мощное интеллектуальное, моральное движение, но оно дало колоссальное количество, например, текстов. Вроде бы диссидентов не очень знали, но зато переписывали Галича, но зато переписывали Бродского, но зато переписывали Окуджаву, но зато переписывали Кима, а это люди, которые развивались в этой среде, они были рупором диссидентского правозащитного движения.

ГУМАНИТАРИАТ, ИЛИ О МЕСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Даниил Горецкий, Андрей Юров

1. Интеллектуалы: кто они, и сохранились ли?

«Так именуют тех, чьим ремеслом является размышление и преподавание своих мыслей...»

Жак Ле Гофф. «Интеллектуалы в средние века»

«Те, для кого высшей ценностью являются поиски Знания, его сохранение, распространение в социальной среде и передача последующим поколениям...»

К. К.

Тема «интеллектуалы и их место в нашем мире» (и как ее составляющие – «интеллектуалы и власть» или «интеллектуалы и масса») могла бы считаться уже не только банальной, а прямо-таки неприличной в «приличном интеллектуальном обществе», если бы не... ..если бы не её невообразимая важность для современности.

И дело не только в том, что в очередной раз возникает вопрос:

что должны делать интеллектуалы в современном мире, и – как они должны относиться к власти в современных государствах, а в том: а остались ли они вообще?

Можно ли считать «интеллектуалами» тех, кто оставил независимое производство интеллектуального продукта и подался в наймиты государства, бизнеса или «псевдоинтеллектуальных структур», в которые превратились университеты, академии и «независимые союзы»? Или мы должны по традиции, принятой из Античности – вспоминая Сократа, Гераклита, Диогена (но не Аристотеля!), через средневековый расцвет – ко временам Просвещения и модернизированной эпохе «бунта толп» (так называемого «восстания масс»), – считать истинными интеллектуалами лишь независимых мыслителей, не продающихся ни тиранам, ни магнатам?

То есть интеллектуалы, естественно, всегда предлагали свой интеллектуальный продукт власти, и даже были рады, когда она его использовала. Вопрос всегда заключался в другом: работал ли «производитель интеллектуального продукта» по собственной воле, следуя путями Поиска истины, создавая свой продукт, сотканный из размышлений, и передавая его в распоряжение всего общества (включая и власть), но прежде всего – своих учеников – в качестве Мэтров (его-то мы и будем называть «независимым интеллектуалом»); или же он работал по заказу, забыв о свободе творчества и свободе использования его интеллектуального продукта в интересах общества, становясь в этом случае «наемным интеллектуальным работником»?

Тогда – остались ли интеллектуалы вообще – как вид, – или мы должны констатировать их почти полное вымирание?

Итак, первая гипотеза, которая может нам помочь в дальнейших построениях, заключается в следующем утверждении: интеллектуалы как вид независимых мыслителей почти вымерли, шансы встретить их в естественных условиях крайне малы, но они всё-таки ещё где-то есть...

Гипотеза смелая, ничем и никак не подтверждённая, но если она не верна, то мы должны будем поставить на этом точку, и забыть об «интеллектуалах» навеки.

2. Интеллектуалы и власть

«И сегодня роль интеллектуала состоит не в том, чтобы, пройдя “немного вперед” или слегка отодвинувшись “в сторону”, высказывать за всех безмолвную истину, а скорее, наоборот, в том, чтобы бороться против всех видов власти там, где он сам представляет собой сразу и объект, и орудие: в самом строе “знания”, “истины”, “сознания”, “дискурса”».

М. Фуко. «Интеллектуалы и власть»

Отношения «интеллектуалов и власти» всегда были относительно просты: союз, оппозиция, уход и альтернатива.

В случае союза интеллектуалы всегда пытались сохранить дистанцию: если они окончательно переходили на службу к власти, они переставали быть «независимыми интеллектуалами» и становились «интеллектуальной прислугой»; если же им удавалось соблюдать дистанцию и предлагать свой интеллектуальный продукт власти, но – одновременно (!) – передавая этот же самый продукт всему обществу, они оставались «интеллектуалами».

Конечно, в интеллектуальной среде всегда присутствовала некая тоска по просвещённому и «гуманитарному» монарху вроде Лоренцо Великолепного, но сами же интеллектуалы прекрасно понимали всю противоречивость поддержки такого режима.

В случае с оппозицией ситуация складывалась примерно так же: как только интеллектуал превращался в настоящего политика-оппозиционера, он, по большому счёту, утрачивал истинную «независимость» и становился, иногда сам того не желая, на службу неким политическим силам, иногда – весьма благородным, - но представляющим всего лишь иную по отношению к существующей власти идеологическую точку зрения.

Если ему, опять же, удавалось сохранить определенную дистанцию от всех политических сил, он оставался «независимым интеллектуалом», несмотря даже на формальную принадлежность к «оппозиционным партиям».

Уход, пожалуй, самая простая и самая распространённая реакция интеллектуала на вызовы внешнего мира, полного невежества, агрессии, глупости, насилия, антиинтеллектуализма, фанатизма и тяги к простым ответам на сложные вопросы. И вариантов такого ухода или бегства за тысячелетия интеллектуалы предложили великое множество – от самых примитивных, до самых изысканных

и возвышенных.

Самым интересным и, пожалуй, нетипичным ответом для интеллектуалов стало создание альтернатив. Об этом хотелось бы поговорить отдельно. Но здесь для нас принципиально важно отметить факт попыток создать альтернативные формы социальной организации – то, что выпадало бы из самого пространства «власть – оппозиция», в том числе и в виде «отказа, ухода и бегства» от этого пространства.

Это – попытка создать альтернативные модели не только в виде литературных Утопий от Томаса Мора, Сирано де Бержерака или Фрэнсиса Бэкона – до Касталии Германа Гессе, «Основания» Айзимова и миров Стругацких или Станислава Лема, но и в прямых, вроде бы таких не свойственных интеллектуалам попытках, как создание собственных сообществ, претендующих на статус «независимого альтернативного социального пространства» (почти мини-универсума).

3. Интеллектуалы и «бунт толп».

«Нет, массы не были обмануты, в тот момент они жаждали фашизма!»

В. Райх. «Психология масс и фашизм»

«В интеллектуальную жизнь, которая по самой сути своей требует и предполагает высокие достоинства, все больше проникают псевдоинтеллектуалы, у которых не может быть достоинств; их или просто нет, или уже нет. (...)

Сомневаюсь, чтобы в истории нашлась еще одна эпоха, когда бы массы господствовали так явно и непосредственно, как сегодня. [...] То же самое происходит и в других областях жизни, особенно в интеллектуальной».

Хосе Ортега-и-Гассет. «Восстание масс» / «Мятеж толп»

Вопрос о взаимодействии интеллектуалов с массами особенно остро встал именно в XX веке, в эпоху «тотализации» власти и формирования тоталитарных режимов, претендующих на полное, тотальное подчинение себе не только действий и образа жизни, но – и прежде всего – самой мысли (!), – того, чем, собственно, только

и владеет истинный интеллеktуал, и что для него важнее любой собственности.

Именно тотальные государства, как никакие другие до того, даже самые милитаристские, дикие или основанные на религиозном фанатизме, вызвали к жизни новую позицию интеллеktуала. Прежде всего потому, что такие государства были порождены этими самыми «массами», - вопрос о взаимодействии интеллеktуала с массами здесь в каком-то смысле первичен.

И если в прошлых столетиях он был «над массами», с одной стороны, как бы слегка презирая «чернь», с другой – выражая её интересы и возвышая голос от имени тех, кто был безгласен, то - в период «бунта толп» («восстания масс») все переменялось. Отныне масса сама начала конструировать культуру по своему образу и подобию, и перестала нуждаться в интеллеktуалах как в «производителях культуры». Массе вполне стало достаточно и тех, кто добровольно перестал быть «независимым интеллеktуалом» и перешёл в ряды «обслуживания толп» - опосредованно через власть – или непосредственно. И это как раз вовсе не «просветители», пытавшиеся нести свой и чужой «интеллеktуальный продукт» в массы, выполняя свою прямую и основную функцию, это – те, кто решил, что массам нужен иной – «массовый продукт культурного потребления», который легко употребляется толпами, сравнительно легко производится и – главное – не только приносит прибыль, но порождает искренний восторг и почитание этих самых толп – то, о чём всегда втайне мечтают все интеллеktуалы!

Таким образом, часть интеллеktуалов оказалась поглощена и переварена «массой», а часть – выкинута за пределы ойкумены, не нужная ни власти, ни обществу, лишь – самим себе да своим собратьям. И эта маргинальная часть интеллеktуалов выбрала два пути – жизнь в состоянии «интеллеktуального самоудовлетворения» (ещё один вид ухода) или решительное сопротивление – всеми средствами и формами: от текстов и социального творчества – до вооружённого сопротивления в условиях фашистских и тоталитарных режимов, принятых, поддержанных, а иногда и взращенных самими «толпами», - толпами, ставшими в конечном счете жертвами собственного выбора...

И это сопротивление стало одной из форм Альтернативы для интеллеktуалов XX столетия (важно, что была не «оппозиция»,

а именно форма «альтернативы»!). При этом интеллектуалы сражались не только и не столько за себя, сколько за каждую отдельную личность, составившую эти «толпы» и проглоченную этими «толпами». Тем не менее, сама система отношений интеллектуалов и массы – уже не «над», а - «вне–чтобы–внутри» и «против–чтобы–за», - претерпела коренные изменения.

4. Интеллектуалы в новой роли: ресурс и контроль

«Наши права не предполагают наших обязанностей. Напротив – они предполагают обязанности со стороны других. А вот от нас они требуют ответственности. В том числе – ответственности в осознании Человеческого Достоинства и необходимости его утверждения и защиты в каждом нашем действии».

А.Г.

«Именно борьба идей друг с другом и определяет Будущее! От того, какие идеи мы предлагаем в противовес идеям и идеологиям расизма, капитализма, колониализма, фундаментализма - зависит наше будущее...»

Густав Матьен, французский интеллектуал

Интеллектуалы до сих пор обладают необъятным ресурсом. Значительно большим, чем все запасы газа, нефти или урана на нашей планете. И до сих пор они, свободно передавая его в пользование всего общества (в т.ч. власти), позволяют этому ресурсу не только не истощаться, но приумножаться.

Тем не менее, ни многие интеллектуалы, ни остальное общество во многом не осознают ни возрастания степени ответственности интеллектуалов за производство этого ресурса в XXI веке, ни тех прав, что возникают в результате появления любой ответственности.

Это – естественное право тех, кто предоставил своё ресурс в пользование другим. Это право налогоплательщиков знать, куда идут их налоги. Это право избирателей знать, что делают выбранные ими «представители». Это право тех, кто создаёт материальные блага участвовать в управлении производством и распределении этих благ. И это право «производителей интеллектуального продукта» контролировать то, как этот продукт используют государства, народы, власти, сообщества и отдельные «свободные потребители».

Таким образом, если интеллектуалы ещё не исчезли и по-прежнему готовы быть производителями самого ценного, присущего только человеку и человечеству, «интеллектуального продукта», то мы, всё общество, должны смириться с их естественным правом на контроль за использованием этого продукта – не с правом распоряжаться, распределять или запрещать, а с правом осуществлять контроль – не больше, но и не меньше!!!

5. Интеллектуалы: альтернативы и утопии

«59. Драконы любят, когда для них строят замки.

Замки бывают восхитительные...»

Ян Словик.

«Трактат о Драконах».

Книга 1. «Драконология»

Создание «альтернативных социальных пространств» всегда занимало интеллектуалов и как «литературная утопия», и как социальная практика. Это не только Академия Платона (и как жалкий отблеск – Академия во Флоренции), или Университеты и Школы в средневековых городах. Это не только независимые учебные, научные и даже религиозные организации. XIX и XX век предложил интеллектуалам совершенно новые типы альтернатив – вне власти и бизнеса – так называемые некоммерческие/неправительственные организации (НКО/НПО) и «социальные движения». Или, если хотите, независимые «гражданские группы», иногда – локальные и региональные, иногда – принципиально международные и даже всемирные. Речь идёт принципиально НЕ о партиях или других политических организациях и НЕ о религиозных организациях, – ибо и те и другие во многом являются формой власти – в широком смысле «репрессивного подавления индивида», а о группах, противостоящих любым посягательствам со стороны власти и осуществляющих не столько «благотворительность и культурные инициативы», сколько сопротивление экспансии власти против отдельной личности, и гражданский контроль за отдельными структурами власти – от тюрем до школ, от спецслужб – до корпораций.

Именно интеллектуалы породили концепцию «гражданских групп и организаций» и идею «независимых структур гражданского общества» – как неких систем, способных вносить хоть какой-то

элемент справедливости и прозрачности в омут, где государственная власть, окончательно перемешавшись с властью корпоративно-коммерческой, сделала пространство мутным, затхлым и дурно пахнущим.

И именно интеллектуалы стали первыми «диссидентами» и «правозащитниками», а также «революционерами нового типа» (Сартр, поколение-68, движение за падение Берлинской стены, миротворцы и др.), заявив о необходимости защиты любого разнообразия и любой «инаковости» от тотальных претензий власти государств и власти толп подчинить себе любую социальную, интимную и интеллектуальную жизнь, подавить «достоинство отдельной личности» и утвердить так называемую «демократию» как способ при помощи манипуляций большинством растаптывать любое меньшинство – вплоть до концентрационных лагерей и печей Аушвица (мы здесь, естественно, не говорим о «подлинной демократии», которой еще пока практически никто и нигде не видел).

«Права Человека» и идея «правозащитной организации» возникли как инструмент, способный уберечь меньшинство и отдельную суверенную личность от возможностей большинства делать с ней всё, что большинству захочется. И эта идея, в принципе, как бы «право-либеральная», так хорошо легла на идеи «левых интеллектуалов», что смогла объединить независимых интеллектуалов всех политических «ориентаций», защищающих суверенитет личности, на единой платформе «Прав Человека», позволила оставить где-то в стороне социально-политические разногласия и сформировать не только «интеллектуальную платформу» для размышлений о Праве и о Человеке, но и энергию для действий в современном мире, где в ином случае уже почти и не осталось бы места ни для справедливости, ни для свободного интеллектуального поиска.

Именно интеллектуалы – и Востока и Запада - сделали правозащитную идеологию действенной силой, которую уже потом научились использовать политики, государства и прочие «официальные структуры» (иногда – в своих целях), – именно поэтому тем важнее, чтобы интеллектуалы не отдали это поле «действующим политическим силам», не оставили его, но продолжили его развитие в направлении Свободы, Права (противостоящего силе и насилию, прежде всего – со стороны власти) и уважения к Человеческому Достоинству.

Задача интеллектуалов XXI века – выдвинуть новые альтернативы, но – одновременно – не потерять старые, не забыть о них, не позволить им превратиться в собственную противоположность благодаря воздействию тотального и всепроникающего поля власти.

6. Интеллектуалы – между фундаментализмом и гуманизмом

*«Нас мало, бдящих в ночи над спящими, с нами беседуют звезды...
Нас мало среди мирных городских жителей, на наших плечах
тяжесть города... Нас мало, мы за всех несем общий груз, мы
на пограничье, нас обожгла боль, и мы выгребаем к восходу, мы
– дозорные на вахте, застывшие в ожидании ответа на немой
вопрос...»*

А. Сент-Экзюпери. «Цитадель»

Мир, как и в прошлые века, по-прежнему пребывает в состоянии войн. Но главной из этих войн является вовсе не битва «добра» со «злом», «коммунизма» с «капитализмом», «антифашизма» с «фашизмом», «востока» с «западом», «севера» с «югом», «порядка» с «хаосом» или «госбезопасности» с «терроризмом». Это – древняя битва, в которой именно интеллектуалы – ещё с тех времён, когда они так не именовались и именоваться не могли – участвуют как никто иной; это сражение «фундаментализма» и «гуманизма». Такой вывод может показаться не просто наивным, а даже несколько пошловатым, если, конечно, не осознавать, что как раз во всех них, перечисленных выше «битвах», мы наблюдаем противоборство между одним фундаментализмом и другим. И, видимо, мир окончательно предстал перед нами в виде дерущихся фундаментализмов, где армии государств ведут себя ничуть не гуманнее террористов, а «сторонники прогресса» грозят «сторонникам мракобесия» ужесточением карательных мер, смертными казнями и ядерными бомбами.

На рубеже второго и третьего тысячелетия, как никогда прежде, обозначилось противостояние вовсе не персон – «фундаменталистов» и «гуманистов» – наоборот (!) – люди вдруг почти перестали быть носителями какой-то одной позиции: и силы гуманизма, и силы фундаментализма, – проходя через каждого человека, каждую семью, каждую социальную структуру, каждую

страну, - обозначили эту невидимую битву взрывом невероятной энергии и ярости, которая, кажется, действительно потрясла Вселенную. И если в происходящем мы можем увидеть прежде всего всплеск пробуждающихся фундаментализмов невероятной силы и агрессии, то этому же всплеску всё-таки соответствовало и некоторое пробуждение гуманизма, которое станет нам заметно несколько позже.

Если вспомнить книги и западных, и «восточных» фантастов 1950-60-х и сравнить их описания рубежа тысячелетий с тем, что мы видим сейчас, может показаться, что человечество куда-то свернуло с дороги развития и заехало в чудовищный тупик. Никто не хотел и не мог тогда предполагать, что в начале нового тысячелетия будут вестись фанатические религиозные войны, политики будут осуществлять свою власть столь же примитивным и жестоким способом, как в прошлые века, люди перестанут читать, а Космос станет не новым домом человечества, а исключительно сферой военных и коммерческих интересов.

Что это значит? Гуманизм проиграл? Нет.

Потому что гуманизм – это не идеология. Это очень своеобразный способ подхода к миру, тип мировоззрения, который вовсе не предполагает отказа от чётких и очень определённых принципов, и даже знания «истины», – он лишь отказывается от монополии на эту истину и на готовность утверждать эту истину всеми возможными средствами. Гуманизм – это очень простой отказ принимать «простые и понятные ответы», доступные любому представителю «толпа», на сложные запросы сверхсложного современного мира. «Если вы знаете простой ответ на вопрос об очень сложной системе, знайте – он изначально неверен». Но принять, что в современном мире нет простых решений, что мир стал (да и всегда был!) столь сложен, что грубые и простые решения уже давно не применимы, – на это нужно истинное мужество. Как нужно истинное мужество, чтобы принять, что рядом с нами живут не простейшие существа с элементарным набором желаний, инстинктов и простых интересов, а люди с богатым внутренним миром, способные на глубокие переживания и совершенно неожиданные, иногда – необъяснимые духовные поступки. Видимо, гуманизм действительно смешон и старомоден, но... только он способен привести нас к системному мышлению – то есть к попытке найти сложные ответы на сложные

вызовы, а значит – только он способен дать нам шанс выжить.

Фундаментализм – это не глобальное зло, и в каком то смысле вообще не зло. Это всего лишь желание искать простые ответы на сложные вопросы. Это когда у нас заранее есть ответ на все вопросы, и – монополия на истину. А те, кто не готов эту истину признать, пусть пожалеют об этом: при «мягком фундаментализме» они становятся маргиналами и диссидентами, при жёстком – узниками и мертвецами.

Сложностью гуманизма является ещё и то, что он сам балансирует между «всемирностью и всеприемлемостью» (чуть ли не отказом от любой принципиальной позиции) и определённым «интеллектуальным фанатизмом» (готовностью защищать свои идеи – порой даже ценой собственной жизни, - своеобразной разновидностью «принципиального фундаментализма»). Но именно в этом балансе, в этой его внутренней сложности – ещё один залог его силы.

Сегодня именно интеллектуалы, как никто иной, чувствуют, что гуманизм потихоньку сдаёт свои позиции и – одновременно изо всех сил пытается сопротивляться наступлению всеобщего «фундаментализма» – религиозного, расового, политического, военного, идеологического.

Именно интеллектуалы, не смотря ни на что, пытаются – совершенно бессистемно, разрозненно и спонтанно – сформировать это новое движение Сопротивления, способное противостоять «фундаментализмам», помня при этом, что сами не свободны от этого вируса, а потому их попытки кажутся им самим ещё более безнадёжными.

И, тем не менее, не видно никого, кто, кроме «последних интеллектуалов вселенной», затерявшихся в окопах современных смысловых войн, мог бы поднять знамя гуманизма и хотя бы обозначить: «Мы – здесь! Кто думает и чувствует, как мы, – сюда! Нас так мало, что мы не способны организовать серьёзное сопротивление, но мы способны достаточно долго удерживать полуразрушенный форт, на котором мы подняли наше знамя!»

7. Интеллектуалы на пути к гуманитарияту

«... мой конь оступился и мы стали тонуть, положение было

отчаянным, нужно было выбирать - погибнуть, или спастись!

-Ну и что же вы выбрали?!

-Угадайте.

...

Я решил спастись!»

Григорий Горин / Марк Захаров

«Тот самый Мюнхгаузен»

Социальные движущие силы истории меняются. На смену рыцарям и духовенству приходят «городские сообщества», «цивилизации». Появляется буржуазия. На некоторое время её сменяет пролетариат. Затем – технократия и менеджерократия (и во власти, и в бизнесе, и в псевдо-автономных структурах). Отчасти – «информариат», контролирующий информационные пространства и сети – от компьютерных программ и баз данных – до интернета и масс-медиа.

Кто может прийти следом? Есть ли хоть кто-то, чья «картина будущего» покажется более-менее привлекательной хотя бы для наиболее активной и образованной части общества? И может ли эта программа будущего также учитывать интересы меньшинств и всех остальных общественных групп?

Да. Это – «гуманитарият». Это не просто «гуманитарии», не просто «интеллектуалы» («независимые производители интеллектуального продукта»). Это – те из них, кто, во-первых, остался «независимым интеллектуалом». Кто, во-вторых, является носителем не только знаний, но духа поиска истины, а значит – гуманизма, определённых и достаточно чётких «гуманитарных принципов», которые он не готов променять на социальные статусы, но также и не готов позволить им начать тотально «захватывать социум», превращаясь в собственные противоположности фундаменталистского типа. И в-третьих – те, кто отчасти готов преодолеть то самое «во-первых» и немножко пожертвовать своей независимостью ради контактов друг с другом, ради совместного создания утопий и альтернатив, ради попытки начать «альтернативное социальное строительство» – с одной стороны - «вне» (вне этих правил игры), но с другой стороны – не «уходя» из социального мега-пространства.

Кстати, несколько слов об «интеллигенции». А это-то что за зверь, так долго живший в России и в Союзе? И какое он имеет отношение к «интеллектуалам»? Прямое и – почти никакого. Сама по себе

интеллигенция не может выступать в роли интеллектуалов – она скорее является постоянным и верным потребителем и транслятором продукта, созданного интеллектуалами. Но именно она, ее ошметки и остатки, способны помочь интеллектуалам выжить и даже вернуть себе роль лидирующей группы. Если, конечно, она еще жива и способна на это...

Сможет ли возникнуть «Гуманитарият»? Способны ли «независимые интеллектуалы» к взаимодействию? Могут ли они предложить нам альтернативы, показывая возможности социального развития человечества? Да, безусловно. Это уже начало происходить. Слишком медленно. Слишком незаметно. С большими отступлениями и грандиозными поражениями.

Возвращаясь к самому началу наших рассуждений, можно снова поставить вопрос – а остались ли эти самые «интеллектуалы», которые должны сформировать «гуманитарият»? Мы, многие из нас – пока (или уже) не «интеллектуалы». Мы – «полу-интеллектуалы» и даже «четверть-интеллектуалы». Но других-то «нас» у нас нет. И в этом смысле – нам снова предстоит выбор. И не один.

Но есть одна простая вещь, которая делает формирование гуманитарията неизбежным - у интеллектуалов нет выбора: они либо окончательно маргинализируются и вымрут в условиях современной структуры власти в социуме, либо – просто в силу законов самоорганизации сложных систем – смогут соорганизоваться и начать активно действовать.

Сама история человечества делает этот процесс неизбежным – иначе само человечество перестанет быть тем, чем оно вроде бы пытается являться. Иначе утратятся сами важные и самые ценные приметы Человека.

Но у нас нет времени ждать. Мы уже сегодня должны осознать свою роль и стать тем, кем мы ещё, быть может, не являемся – гуманитариятом.

Тем, чем, рано или поздно, должна стать значительная часть человечества.

Не больше и не меньше!

COSMOS CIVILIS ИЛИ ГРАЖДАНСКИЕ ГРУППЫ И ГРАЖДАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

- Даниил Горецкий – социальный философ, г. Харьков, Украина

- Андрей Юров – философ, литератор, правозащитник, Почетный Президент Молодежного Правозащитного Движения, эксперт Московской Хельсинкской Группы

«Просматривая следующие страницы, читатель должен считаться не только с общим маршрутом, намеченным выше, с его многочисленными побочными заездами, туристическими тупиками, вторичными кругами и прихотливыми отклонениями, но также с тем фактом, что...»

Владимир Набоков. «Лолита»

1. Гражданские группы (ГГ) и гражданские организации (ГО): что это, зачем это, встречаются ли еще в естественной природе?

«Объективная реальность – это бред, вызванный недостатком алкоголя в крови».

Надпись в офисе одной некоммерческой организации

А) О чем мы не будем говорить

Для начала, хотелось бы определить сферы, которых мы практически не будем касаться в нашем путешествии. Не будем – по многим причинам: потому что долго, потому что сложно, потому что лень, потому что хотели бы посвятить этому отдельные путевые заметки, потому что об этом и так слишком много сказано, потому что «и так всем все ясно», потому что «никому ничего не ясно», в том числе и нам, потому что слишком грустно, потому что слишком несерьезно и еще по многим другим важным и абсолютно пустяковым причинам.

Мы практически не будем говорить о феномене «гражданского общества» в целом. Мы почти не будем касаться классификаций и систематизаций ГГ и ГО на наших пространствах. Не будем обсуждать особенностей «темного гражданского общества».

Мы фактически не коснемся такой важной черты нашего времени, как различные «гражданские симулякры» – псевдоструктуры, именующие себя «независимыми неправительственными некоммерческими организациями» (NGOs = Non-Governmental Organisations, или НГО = негосударственные организации / НПО = неправительственные организации / НКО = некоммерческие организации), – со всеми их разновидностями, для которых даже придуманы англоязычные намеренно абсурдные сокращения:

– GoNGOs [ГоНГО] = Governmental NGOs, то есть «правительственные неправительственные / некоммерческие организации» – те, что созданы властью, но формально провозглашают себя как «независимые общественные»,

– BuNGOs [БиНГО] = Business NGOs, то есть «коммерческие неправительственные / некоммерческие организации» – те, что созданы бизнес-структурами с коммерческими целями, но позиционируют себя как «независимые некоммерческие»,

– MaNGOs [МаНГО] = Mafia NGOs, то есть «мафиозные неправительственные / некоммерческие организации» – те, что созданы «теневыми структурами» для различных целей, но объявляют себя «независимыми гражданскими»,

– MiNGOs [МиНГО] = Military NGOs, то есть «военизированные неправительственные / некоммерческие организации» – те, что созданы полувоенизированными структурами для соответствующих целей, но формально провозглашают себя как «общественные ненасильственные»,

– PoNGOs [ПоНГО] = Political NGOs, то есть «политические неправительственные / некоммерческие организации» – те, что созданы для определенных политических целей, но камуфлируются под «независимые общественные неполитические»,

– ReNGOs [РеНГО] = Religious NGOs, то есть «религиозные неправительственные / некоммерческие организации» – те, что созданы как полурелигиозные, но формально считаются «нерелигиозными общественными». А также о подобных им, типы которых нам слабо известны.

Мы также постараемся не касаться политических и религиозных организаций (совершенно честных!), которые составляют важную часть гражданского общества, но требуют совершенно отдельного рассмотрения.

И нам уже страшно продолжать перечисление всего того, о чем мы не собираемся ниже говорить – это может разрастись до огромного «справочника неопisanного».

Здесь нам хотелось бы поговорить о независимых гражданских инициативах, причем – далеко не всех, а только тех, что носят некоммерческий, неполитический, нерелигиозный, ненасильственный характер, да еще и являются не разовыми, а создают (пусть и не очень надолго) более-менее устойчивые гражданские группы (ГГ) и организации (ГО).

В) Есть ли в нашем мире граждане?

Этот риторический вопрос кажется здесь восхитительно неуместным, ибо составляет собой предмет для обсуждения на сотнях и тысячах страниц и вроде бы не имеет прямого отношения к нашей теме: мы не собираемся здесь изучать все особенности современных социумов. Но, к сожалению, без него нам не обойтись – мы будем сталкиваться с ним буквально в каждом последующем пункте.

И мы ставим этот вопрос пока только в одном аспекте: есть ли в наших странах достаточное количество людей, которые имеют психологию граждан, а именно – мыслят, действуют и несут за происходящее ответственность именно как граждане (от *civis* [гражданин] и *civilis* [гражданский], и здесь же – *civitas* [гражданство; гражданское общество; сообщество, содружество; город; народ], а также и цивилизация, и др.), а не как «население», «электорат», «масса», «отдельные жители» и т.д. и т.п. Мы не станем здесь перечислять все особенности поведения человека именно как гражданина (этому посвящены целые тома, с тезисами многих из которых мы совершенно согласны, а с некоторыми – согласны частично или не согласны вовсе). Мы предполагаем, что у нас есть некое интуитивное представление о том, как должны вести себя люди, имеющие мужество осознавать себя именно гражданами, и как – многие другие герои всемирной социальной сцены.

Так вот, сам вопрос о ГГ и ГО имеет смысл только в том случае, если граждане в наших широтах еще встречаются или хотя бы есть те, кто имеет намерение таковыми стать (в отличие от других видов современной флоры и фауны, ими нельзя родиться, а можно только

стать).

Если же этот вид окончательно вымер и у него нет никаких шансов к воспроизводству, мы должны поставить на этом точку и писать о чем-нибудь более реальном.

Наша первая рабочая гипотеза (быть может, излишне оптимистическая и самонадеянная) заключается в том, что такие люди есть и даже есть шанс, что они встречаются в нашей ойкумене настолько часто, что способны хотя бы иногда знакомиться друг с другом (если они встречаются слишком редко, то они просто не смогут создавать гражданские группы – и тогда нам дальше тоже не о чем говорить).

С) Гражданская сфера, общественный интерес и социальные изменения

Из нашей предыдущей гипотезы вытекает простой и важный вывод (вторая гипотеза): кроме несолидарных индивидов на наших пространствах встречаются люди (граждане), способные образовать «гражданское пространство смыслов и действий» (гражданскую сферу), готовые учитывать не только личный, групповой или корпоративный, но и общественный интерес, и – способные действовать для реализации этого общественного интереса (решения общественных проблем), а значит, вызывать глобальные социальные изменения (пусть и на очень локальном уровне), делая ситуацию чуть более справедливой.

О ценностях граждан и о том, что такое «справедливость», мы скажем чуть позже и, к сожалению, совсем кратко, так что и здесь мы оставляем огромные лакуны, погруженные в сны, в которых могут водиться не очень приятные чудовища.

D) Есть ли гражданские группы (ГГ)?

Если следовать нашим предыдущим гипотезам о наличии граждан и о формировании гражданской сферы, ответ на этот вопрос кажется самоочевидным. Однако, к сожалению, это не так. Чтобы в гражданской сфере («первичном гражданском бульоне») начали возникать более-менее устойчивые структуры (группы), нужны многие дополнительные факторы (как психологические, так и системные)

и прежде всего – форматы для таких образований и гражданские практики. Поэтому нашей третьей (и уже почти фантастическо-оптимистической) гипотезой будет наличие (хотя бы в зачатке) таких форматов и практик, существование (вопреки разным негативным факторам) ГГ, с которыми можно познакомиться лично.

Е) Есть ли гражданские организации (ГО)?

Этот вопрос кажется еще более схоластическим, но иногда, даже при наличии гражданских групп, именно гражданские организации так и не возникают. Для их формирования нужны дополнительные энергетические и правовые возможности, которые не всегда присутствуют в наших странах.

Поэтому факт их существования кажется нам небесспорным, так же как и утверждение, что их нет вовсе, поэтому в дальнейшем мы будем говорить прежде всего о гражданских группах (ГГ), считая их более общим понятием, лишь иногда упоминая гражданские организации (ГО) как одну (всего лишь одну) из эволюционных возможностей гражданских групп.

Но для нас важно, что ГО – это устойчивые системы, способные обеспечить постоянный и эффективный гражданский контроль над любой публичной властью (и не ради контроля, а ради позитивных социальных изменений, связанных с общественными интересами), а также – предоставить общественные альтернативы, которые тоже, уже по факту своего существования, являются успешными проектами социальных изменений действительности.

2. ГГ, власть и политика

«Мудрецы древности считали, что всякая политика связана с властью, но далеко не всякая власть связана с политикой. Возможно, они ошибались».

Из «Сообщения о стратегиях воинов и морских змеях»

А) ГГ и власть

Гражданские группы, даже если они независимы, часто выбирают один из двух типов отношений с властью: сотрудничество (вплоть до

полного подчинения и врастания) или жесткая оппозиция (вплоть до превращения в оппозиционную политическую силу). Это совершенно естественно, и мы не видим причин подробно рассматривать такие процессы.

Есть еще один тип отношений ГГ с властью: тотальный уход (бегство, изоляция, замерзание). Как ни странно, этот тип отношений не всегда является контрпродуктивным, и иногда гражданским группам удавалось выживать именно благодаря такому стилю поведения.

Тем не менее нам прежде всего интересен четвертый вариант: Соппротивление или Альтернатива. Под «альтернативой» мы понимаем такое выстраивание социального пространства группы, когда нет жесткой изоляции от внешнего мира, но есть все-таки стремление отделиться от многих его ценностей и принципов достаточно серьезно; альтернатива не есть изоляция, но – попытка создать собственное («автономное») социальное пространство со своими законами и принципами, которое при этом безусловно (и иногда достаточно активно) влияет на «внешний мир», хотя бы в качестве примера. Именно поэтому выстраивание альтернативных социальных систем мы считаем не видом изоляции, а формой Соппротивления – сопротивления тем несправедливым (с точки зрения ГГ) практикам, которые присутствуют в социуме.

Здесь очень важно, что, считая «власть» не только и не столько «институтом» (и совсем не обязательно «злом»), сколько неким особым видом «гуманитарного энергетического поля», пронизывающего все типы отношений, мы можем наблюдать в гражданских группах совершенно иные, альтернативные формы «власти», являющиеся значительно более гуманными, а иногда и совершенными, чем те, что предлагает современная публичная власть даже в самых «демократических» странах.

В) ГГ и политика

Гражданские группы, безусловно, формируют многие политические сферы. И прежде всего те, где под «политикой» мы понимаем «общественную политику» или «гражданскую политику» – то есть сферу *policy*, стратегических социальных изменений. Об этом мы скажем чуть ниже. Если же говорить о «политике как борьбе за

публичную власть» (politics), то как только ГГ вступают в эту игру, они почти сразу перестают быть гражданскими, независимыми и альтернативными. Они превращаются в кусочки политических структур, теряя все свои уникальные свойства и не приобретая ни одно новое и позитивное.

И в этом смысле нас прежде всего интересуют те ГГ, которые не вступают в борьбу за власть, а выдвигают некие альтернативы, например, «всевластия силы» (пусть иногда и нужному) противопоставляют Право. У гражданских групп должно быть выковано совершенно иное «оружие» – ненасильственное, эффективное и желательно веселое (метафизическое), иначе они будут проигрывать обычной политике везде и всегда.

С) ГГ и медиа (средства массовых коммуникаций).

Гражданские группы практически не могут действовать ненасильственно (а нас интересуют те, что действуют только так) и – одновременно – эффективно без мощных средств коммуникации. Им эти средства нужны значительно больше, чем любой публичной власти, опирающейся на стандартные формы силы (не хочется говорить «насилия и принуждения»).

И здесь важно отношение ГГ к таким средствам как к абсолютно необходимым, но очень опасным и обоюдоострым инструментам. Осознание того, что именно массовые коммуникации, как ничто иное, являются носителями всех традиционных форм власти, и, к сожалению, прежде всего – самых примитивных и антигуманных, является важнейшим этапом самосозидания ГГ и всей гражданской сферы.

Поэтому именно для гражданских групп так важны альтернативные и сетевые формы медиа. Поэтому поиск «ненасильственных медиа», как и способов противостояния любой «ментальной агрессии» типа промывания мозгов, является одной из важнейших и естественных задач ГГ.

D) ГГ и идеология

С идеологией ситуация еще серьезней. Если средства массовой коммуникации все-таки являются прежде всего «средствами»

(инструментами) и их полезность или вредоносность зависит от существ, в чьих руках они оказались (и все достаточно неплохо, если существа эти «наделены разумом и совестью и поступают в отношении друг друга в духе братства» – это из Всеобщей Декларации Прав Человека), то идеология – это набор смыслов и ценностей. Гражданские группы, лишённые гражданских смыслов и ценностей, являются «несуществующими».

Но при этом любые группы, начинающие служить неким «сильным идеологическим доктринам» (определение которых мы здесь просто не решаемся дать), могут стать страшной деструктивной силой, способной не только уничтожить миллионы людей, но и саму человеческую цивилизацию (ибо те, кто останутся, перестанут быть «людьми разумными», а превратятся в совершенно иной биологический вид; гуманитарная цивилизация просто прекратит свое существование).

И видимо, нет никакого способа отличить «гражданские идеологии» от «иных», если, с одной стороны, не призвать на помощь Сократа с его сомнением и юмором, а с другой – не слышать голоса сердца, которое нередко намного мудрее мозга.

Е) ГГ и тоталитаризм

Гражданские группы, если они есть, если они сильны, организованы, являются естественным противоядием от любой тоталитарной модели. Просто по своей природе. В силу «естественного закона». Это – шутка, но не более чем на несколько процентов.

Тоталитарная структура (прежде всего – «тотальное государство») либо уничтожает любые независимые ГГ (или, по крайней мере, стремится сделать это) – прежде всего путем их поглощения и встраивания в систему («имперская молодежь», «имперские женские союзы граблей и топоров», имперские союзы ветеранов и инвалидов, «имперские филателисты и садоводы» и т.п.), либо умирает сама. Ни одна тоталитарная власть не в состоянии пережить «метафизическое сопротивление» сильных, ненасильственных, интеллектуальных, солидарных и независимых гражданских групп.

Это, к счастью, не аксиома, а теорема, на доказательство которой уходит иногда много лет, но она неизменно демонстрирует не всегда простые и красивые, но всегда – неоспоримые решения.

F) ГГ и сопротивление.

Нам бы хотелось еще раз поговорить о Сопротивлении, точнее – гражданском сопротивлении. Не о том, которое возникает в вооруженной форме в стране, оккупированной бесчеловечным режимом, уничтожающим миллионы. А о том, что должно быть противопоставлено любой власти – даже самой демократической и замечательной – по одному простому основанию: потому что она – публичная власть! И если граждане не пытаются ее контролировать и сдерживать, она обязательно (по тому же «естественному закону») превратится в тираническую и ужасную, и для этого ничего не нужно будет делать: всего лишь перестать сопротивляться.

Но гражданское сопротивление – это не «война против власти». Скорее – наоборот, в том смысле, что это – анти-война. В ней не должно быть «врагов». В ней должны быть только союзники и оппоненты. Ибо цель такого сопротивления – не свалить «дурную» власть и посадить на ее место «хорошую», а создать такую ситуацию, чтобы всякая власть была вынуждена быть «хорошей», считаться с гражданами и гражданскими группами, и – рассматривать альтернативы (в том числе проекты социальных изменений), предлагаемые гражданскими группами.

G) ГГ и гражданская политика

Мы уже говорили о той форме политики, в которой неизбежно (имманентно) присутствуют гражданские группы, – это гражданская политика. Это то, что должно менять жизнь каждого гражданина при его же участии и что чаще всего не должно никак зависеть от выборов, назначений тех или иных высокопоставленных чиновников и даже от «геополитических ветров», которыми теперь принято объяснять все, вплоть до загаженности сортиров.

Это – гражданские смыслы и гражданские практики, это – «слово» и «личный пример», наполненные гуманитарными ценностями (включая свободу, равенство и солидарность).

Гражданская политика существует либо в виде разрозненного и очень слабого давления гражданской сферы на власть, либо – в виде той системы, которая способна благодаря отсутствию прямой и агрессивной силы развеивать горы и создавать моря. Такая система

невозможна без гражданской политической платформы, которую должны в результате солидарных действий сформировать ГГ самых разных направлений и форм. И эта платформа непременно должна иметь как утопические программные принципы, без которых, как без любой мечты, невозможны никакие позитивные изменения, так и «требования этого часа», абсолютно реалистические и совершенно необходимые для самого существования граждан именно как граждан, а не как массовых особей.

Именно поэтому часто ядром такой политической гражданской платформы является современная система защиты Прав Человека, пока все еще далекая от совершенства, но предлагающая и пока еще достаточно утопические идеи, и стандарты, реализующиеся уже во многих цивилизованных странах.

Если в социуме гражданская политика сформирована как стройная система ценностей и действий – это значит, что ГГ уже достаточно сильны и солидаризованы, и это же значит – что по мере дальнейшего формирования и осознания такой политики гражданами, сами ГГ становятся все сильнее и многочисленнее. Это – система положительной обратной связи.

И она же действует в обратную сторону: чем слабее ГГ, тем слабее система гражданской политики, чем слабее сфера гражданской политики, тем слабее и маргинальнее становятся сами ГГ, и так – вплоть до полного вымирания...

Как же разорвать этот порочный круг слабости и сменить его на спираль развития? Ответ – странный и грустный: критическая масса. До тех пор, пока ГГ в социуме не наберут критической массы, каждая попытка будет обречена на постепенное угасание.

3. ГГ и волнорезы для стихии «бунта толп»

«Массы не формируют граждан. Они формируют анти-граждан».

Хосе Ортега-и-Гассет «Восстание масс»/«Мятеж толп»

А) Ответственность

В эпоху восстания масс («бунта толп»):

(а) граждане (как особый тип людей), (б) граждане, установившие

между собой взаимодействие и таким образом сформировавшие гражданскую сферу (как особый тип системы), (в) граждане, сформировавшие гражданскую сферу и объединенные в гражданские группы (как в особый тип структур) – могут и с неизбежностью противостоят обесцениванию всего социального и духовного, которое массы стремятся довести до самых доступных форм, пригодных для самых примитивных способов потребления.

Масса перестает быть безликой и серой «массой», как только оказывается вовлечена в гражданские группы, предлагающие достаточно высокую планку производства интеллектуальных продуктов и социальных практик. Совокупность гражданских групп – уже совершенно не «масса», а сложная система взаимоотношений и связей, да еще и наделенная гражданскими ценностями.

Масса в этом смысле полностью солидарна с тоталитарными структурами. Либо выживают ГГ и распадается «масса» (соответственно, разрушается тоталитарная структура), либо безликая масса перемалывает все гражданские группы и «выплывает» «народонаселение», лишенное почти всех гражданских доблестей.

И самым важным элементом, разрушающим эту самую «массовость», является гражданское осознание ответственности. То, без чего не бывает гражданина. То, без чего не бывает гражданской группы. То, без чего по определению не бывает общественных (то есть не индивидуальных или групповых, а именно общественных) интересов, а значит – альтернатив и социальных изменений.

Массовый человек – это прежде всего бегство от ответственности, участник гражданской группы – тот, кто осознает и принимает ее.

В) Интеллектуальность

Гражданские группы, если они действительно гражданские, не могут быть анти-интеллектуальными. К сожалению или счастью, только огромная интеллектуальная «гуманитарная» работа может привести к осознанию гражданских ценностей, общественных интересов и сферы гражданской политики, построению альтернативных социальных систем и движению по пути социальных изменений без насилия.

Поэтому либо гражданские группы пронизаны интеллектуальным

поиском, либо они превращаются в полуфанатические социальные секты, теряя всю свою «гражданственность».

И эта интеллектуальность ГГ – еще один важный фактор, стоящий на пути всевластия толп.

С) Автономность

Гражданские группы не могут существовать, если не обретают определенный уровень автономности. Иначе в них не могут рождаться никакие креативные процессы, иначе они не могут претендовать ни на какую независимость. И эта автономность – еще одно средство от всепоглощающих масс. Масса противится любой автономности (вплоть до вторжения в самые интимные сферы), автономность не дает массе стать всеохватной.

ГГ – это естественные автономные структуры, которые, подобно волнорезам, ослабляют давление масс и не дают волнам толп разрушить набережные цивилизации.

4. ГГ – ресурсы и контроль

«Когда люди прекратят конкурентную борьбу за обладание ресурсами и начнут соревноваться в возможности предоставить ресурсы друг другу, человечество начнет развиваться...»

Марек Домбровский, польский философ и экономист

А) Ресурсы

Гражданские группы предоставляют всему социуму достаточно много ресурсов, причем ряд – абсолютно уникальных. Эти ресурсы (если говорить о значительных социальных масштабах) в чистом виде не может предоставить ни одна другая структура: ни семья, ни круг друзей-приятелей, ни коммерческие структуры, ни механизмы публичной власти (включая государство), ни международные надправительственные образования.

Когда мы говорим про «ресурсы» – мы автоматически говорим про ценности (про то, что ценно). Поэтому, какими бы абстрактными ни показались ресурсы гражданских групп, они имеют не только духовную, но и вполне материальную ценность, изменяя качество

жизни и отдельных людей, и общества в целом.

Мы упомянем лишь о некоторых ресурсах, возможно – не самых важных, но, как нам показалось, наиболее характерных в свете наших рассуждений.

Экономический (политико-экономический) ресурс – доверие. Нам представляется, что степень доверия в обществе все еще является слишком недооцененным фактором именно экономического процветания любой страны. И значительная заслуга Ф. Фукуямы, быть может, вовсе не в провозглашении «конца истории», а в очень аккуратном исследовании доверия именно как экономического фактора, особенно важного в постиндустриальную эпоху, и – чуть ли не самого важного – в будущую эпоху постинформационного («гуманитарного») общества. Именно ГГ создают настоящие горизонтальные пласты «социального доверия», не связанного с узкогрупповыми или корпоративными интересами, и делают саму систему отношений на порядок сложнее и гуманистичней.

Политический ресурс – иной тип власти. ГГ зачастую предлагают совершенно иные типы иерархий, а значит – иные типы власти, не связанные с правами большинства или манипулятивными технологиями управления массами. И это не просто идеи, которые можно предложить обществу в виде прекрасных утопий будущего, а повседневные практики, которые уже сейчас, одним своим наличием, меняют структуру социума и предлагают людям пространства с совершенно иными типами отношений, чем в достаточно суровом мире, все еще мыслящем схемами социал-дарвинизма и борьбы за выживание.

Коммуникационный ресурс – солидарность. Это – не просто особая форма взаимодействий, это – один из главных компонентов силового поля, скрепляющего разрозненные ГГ. Это – вполне реальный механизм, практика, успешно опробованная во многих социальных средах, которая, тем не менее, является еще и важной гуманитарной ценностью.

Геоэнергетический ресурс – локальность / всемирность. Это очень интересный, «двойкий» ресурс, который, с одной стороны, позволяет как концентрировать социальные практики на очень локальном, местном уровне, создавая высокое социальное напряжение, так и, с другой стороны, создавать трансграничные сети, быстро перемещая социальную энергию из одной точки в другую.

Системообразующий ресурс – универсальность / уникальность. Это еще один «двойной» ресурс, позволяющий как устанавливать универсальные стандарты наиболее успешных практик социальных изменений, так и учитывать абсолютную уникальность отдельных пространств и создавать настоящие шедевры социальных альтернатив.

В) Контроль за использованием ресурсов.

Если производитель чего-либо, в том числе общественного ресурса, наделен ответственностью, он просто не имеет права не осуществлять контроль за тем, как этот ресурс использует общество, насколько справедливо, нет ли при этом серьезных попыток его присвоения, дискриминации при распространении и т.п. Гражданские группы, как и сами граждане, наделены ответственностью практически по определению, и если они при этом обладают осознанностью, они не могут не осуществлять контроль за тем, как их уникальный ресурс используют различные структуры общества. И в случае, если это использование носит явно неэффективный или антигражданский характер, солидаризованные ГГ обязаны изменить саму систему распространения и использования этих самых общественных ресурсов, даже если для этого нужно подправить или коренным образом изменить механизмы публичной власти.

И это – одна из функций «гражданского контроля», того самого контроля, который гражданские группы осуществляют по отношению к структурам общества и власти (прежде всего – к бизнесу и государству).

С) Контроль за возможностью воспроизводить ресурсы

Другая важная часть этого самого гражданского контроля – контроль за предоставлением самой возможности для гражданских групп производить свои уникальные ресурсы. Если становится ясно, что ГГ находятся в обществе в таком положении, что производство этих ресурсов происходит в сверхсложных условиях, под давлением каких-либо коммерческих, политических или идеологических структур, то задачей объединенных ГГ является осмысление этих препятствий и их последующее устранение – путем изменения

социальных систем.

Гражданские группы должны осознавать не просто ценность ресурсов, предоставляемых ими обществу, но и собственную обязанность, некий долг перед человечеством – вырабатывать эти ресурсы, а значит – устранять те преграды, что мешают свободе создания альтернативных миров.

5. ГГ – альтернативы и утопии

«28. Влюбленные Драконы питаются мечтами.

И потому часто травятся».

Ян Словик «Трактат о Драконах», Книга 2. «Драконофилия»

А) Гражданское сопротивление и социальные изменения

Гражданские группы предлагают философию гражданского сопротивления и практику социальных изменений. Ни то, ни другое невозможно без утопии – без мечты о более справедливом мире. А значит – необходимы новые мечты и необходимы те, кому хватит мужества эти мечты реализовать. Это – утопия социального творчества.

В) Ненасилие

Ненасилие – не как «отказ от насилия», а как особый способ изменения действительности – это утопия. Но утопия, доказавшая, что она способна стать реальностью. А значит – это альтернатива. Та, которую можно предъявить человечеству. Та, которая должна изменить современные практики «справедливости», основанные на репрессиях и воздаяниях. И это – утопия братства.

С) Школа – вне политики и вне религии

Гражданские группы, естественно, не могут жить без собственной идеологии – «гражданской идеологии». Но это – не политика и не религия. Это скорее Школа, в которой те, кто стремится найти новые идеи, встречаются с теми, кто готов их предложить. И тот, кто уже обрел такие идеи, понимает, что процесс его обучения еще

не закончен и не будет закончен никогда, а тот, кто только-только недавно стал учеником, понимает, что уже сейчас есть нечто, что он не только может, но должен передать дальше. И это – утопия веры.

D) Странствия

ГГ не предлагают стабильных структур. Они изменчивы и крылаты. Они находятся в вечном странствии – к самим себе, к новым формам существования, к более совершенным отношениям, к более эффективным практикам, к более гуманному миру. Они странствуют сами от себя и – сами к себе. И это странствие касается всех тех, кто принадлежит к этим самым гражданским группам, и даже тех, кто имеет к ним лишь косвенное отношение. Ибо в этом странствии нередко перемещаются не только люди или группы, нередко вместе с ними в странствие отправляется окружающий мир. И это – утопия поиска.

E) Практики новых общественных отношений

ГГ предлагают новые типы социальных форм жизни. Это – своеобразные социальные лаборатории, где можно попробовать создать новые вселенные и, при необходимости, дальше совершенствовать их. Это – возможность смоделировать то, что когда-нибудь станет реальностью для всего мира или, наоборот, никогда не станет, а останется лишь как малая боковая ветвь цивилизации. А значит – шанс осознать все это и сделать правильный выбор. И это – утопия обретения мудрости.

6. ГГ, фундаментализм и гуманизм

«Еще важнее было то, что <...> утвердился обычай видеть в умственной деятельности не размышление в монастырском уединении, целью которого является сохранение раз и навсегда установленной ортодоксии, а захватывающее общественное приключение».

Бертран Рассел, «История западной философии»

A) Фундаментализм и гуманизм

Если фундаментализм не есть «зло», а лишь стремление на сложные вопросы находить простые, быстрые и однозначные ответы, а гуманизм – не «добро», а лишь отказ от монополии на истину и попытка поиска действительно сложных и системных ответов на непростые вызовы, то борьба между ними проходит через каждого человека, каждую группу, каждое сообщество. Очень редко можно встретить законченного «фундаменталиста» или «гуманиста» – чаще всего оба живут в каждом из людей.

Гражданские группы, естественно, являются такой же ареной сражения между ортодоксиями и поиском, как и любые другие социальные структуры. Однако уже сама по себе гражданская сфера предполагает значительное разнообразие идей и практик и во многом является естественной средой для развития гуманистических подходов.

Это ни в коей мере не исключает формирования «фундаменталистских ГГ», но если они являются действительно гражданскими, их «фундаментализм» часто не является бессмысленным фанатизмом, но достаточно принципиальной позицией, и в условиях ненасильственного взаимодействия с другими ГГ может быть даже важен.

В) Три космоса ГГ

Гражданские группы, как и любые сообщества, предлагают своим участникам три космоса:

- внутренний космос сообщества (самой ГГ),
- космос гражданской сферы (сообщество сообществ, пространство взаимодействующих ГГ),
- внешний космос (тот социум, социальные изменения в котором и являются одной из естественных целей ГГ).

Все эти три космоса связаны между собой и предлагают каждому участнику ГГ, каждому гражданину возможность действий как в фундаменталистском, так и в гуманистическом стиле. Потому от каждого зависит, какое из начал будет развиваться, а какое – ослабляться; и это происходит каждый миг – при формировании и распространении новых гражданских смыслов и новых гражданских практик.

С) Приключение: между хаосом и хтоном

Гражданские группы – это не беспорядочный хаос и не застывшая кристаллическая решетка жесткого порядка, спрятанная в глубинных «подвалах» вселенной. Это – живой и динамичный космос, требующий, с одной стороны, веселого приключения («авантюризма»), впускающего в социальное пространство элементы буйного и энергетичного хаоса, а с другой – постоянного упорядочивания всей этой системы и периодическое удаление в качестве «шлаков» слишком жестких и ригидных структур, не поддающихся изменениям и потому тормозящих движение.

Это – свободный поиск, в меру ограниченный рамками гражданских принципов и в меру способный их совершенствовать, отчасти преодолевая.

Это – срединный путь космоса, между хаосом и хтоном.

7. ГГ и рождение гуманитарата

«Но есть одна простая вещь, которая делает формирование гуманитарата неизбежным...»

Даниил Горецкий. «Гуманитарат»

А) Интеллектуальные модели

Гражданским группам и гражданским организациям не хватает не только людей и ресурсов. Им не хватает интеллектуальных моделей. Тех моделей, что способны предложить совершенно новые и иногда, казалось бы, безумные альтернативы, или новые практики, которые могли бы работать в совершенно новых социальных условиях.

ГГ не хватает вовсе не специалистов, менеджеров или активистов. Им прежде всего не хватает интеллектуалов, которые были бы готовы сделать гражданскую сферу значительно более системной, осмысленной и эффективной.

Но гражданские группы не спешат призывать в свои союзники интеллектуалов, так же, как и интеллектуалы часто не готовы работать в ГГ. И пока это противоречие не будет преодолено, ни интеллектуалы не смогут выживать в современном социуме в качестве независимых (и во многом – бескорыстных) производителей

интеллектуального продукта, ни гражданские группы не смогут стать той сферой, где сможет зародиться несколько реальных альтернатив не слишком гуманному существованию современного мира.

В) Энергия изменения

Для поиска и изменений нужна энергия. К сожалению, ее невозможно добыть из обычных источников. Она носит особый характер. Это – энергия взаимодействия смысла и действия, интеллектуальной работы и социального творчества.

И если ГГ смогут стать таким «плавильным котлом», где смогут соединяться интеллектуальные альтернативы и практики социальных действий, мы получим воистину уникальные реакторы. Подобные процессы уже не раз наблюдались в истории отдельных стран и территорий, проблема в том, что сейчас эта задача стоит на уровне человечества. А потому гражданские группы ждут победа, только если они сумеют выйти за пределы самих себя.

С) Гуманитарият

Гуманитарият – это очередная утопия об объединении независимых интеллектуалов, являющихся одновременно носителями гуманитарных ценностей, в некое солидарное сообщество. Это мечта об объединении интеллектуалов (которые часто чужаются гражданской сферы) в гражданские группы и об участии их в гражданских группах, созданных не только интеллектуалами.

Наша очередная гипотеза состоит в том, что либо гуманитарият возникнет и станет важной частью гражданской сферы, а гражданская сфера значительно изменится благодаря вхождению в нее гуманитарията, либо нам еще очень долго ждать серьезных социальных изменений, которые позволили бы жить в чуть более гуманном мире.

ПОБЕДА И ПОКАЯНИЕ

Андрей Юров, 09.05.2015, 7x7

Текст был написан ровно 10 лет назад.

«История ничему не учит, а только наказывает за незнание ее уроков»

Василий Ключевский, русский историк

Вся Европа празднует победу над фашизмом (точнее – над нацистской Германией) 8-го мая. Мы – 9-го. И это, наверное, правильно (ибо – все символы имеют смысл, и дело не во временной разнице между Берлином и Москвой на момент подписания Акта). Победа – это не капитуляция армии противника, а первый день МИРА, первый день БЕЗ ВОЙНЫ. Наверное, для стран Восточной Европы и СНГ, эта война была такой страшной, что (по традиции, принятой от СССР) для нас важно не поражение нацистского государства, а торжество мира.

В этом, 2005-м году, 60-летие Победы стало таким пышным, «официозным» праздником, что гражданские организации теряются в ногах у монстров (пардон, гигантов!). Но фоном празднования стала любопытная (и неприятная) примета времени – возвращение Сталина в круг почитаемых и достойных исторических персон. Вообще, когда в нашей стране начинают вытаскивать и обновлять прах (труп?) тирана, это всегда настораживает. И ужасает. Как будто не было миллионов, погибших от голода в 30-е, расстрелянных и посаженных с 30-х по 50-е, невинных и бессмысленных жертв первых лет войны. Неужели нельзя отделить победу над ужасным злом от прославления другого зла? Нельзя. Нельзя, потому что были Нюрнбергский и Токийский процесс. И не было другого трибунала, который бы тоже – пусть и морально – осудил бы и Союзников (какие ужасные вещи я говорю!), по тем же статьям:

- преступления против мира (здесь можно было бы говорить о Мюнхенских соглашениях или «Пакте Молотова-Рибентропа», но эти преступления, согласно международному гуманитарному праву, кажется, имеют срок давности);

- военные преступления (бомбардировки гражданских объектов

и массовое уничтожение мирных жителей – как при налетах на Дрезден западных союзников и массовых бомбардировках других городов и западными союзниками и СССР);

- преступления против человечности (ядерные взрывы над двумя мирными японскими городами; были ли такие преступления у СССР – вопрос, будем надеяться, что нет).

Но это все – о войне. О том, что настоящая история не дописана, и что необходима правовая оценка действий не только «фашистских армий зла», но и «союзных армий добра»; если и они совершали преступления (если мы и вправду хотим победить зло, а не своего военного противника!) – и восстановить справедливость.

Но если разговор о войне неотделим от разговора об ответственности победителей, то есть еще один разговор, являющийся значительно более важным для всех обитателей пост-советского (и — шире — пост-социалистического, и даже шире...) пространства.

Разговор о том, что не было другого процесса.

Казалось бы, все это уже в прошлом. Ан – нет... И именно сейчас начинаешь отчетливо понимать, что всё-таки нужен Международный Трибунал над Сталинским режимом.

Потому что он, этот режим, так никем и не осуждён (кроме «внутрипартийных» решений XX и XXII съездов КПСС, которые ведь можно и отменить... - да и правовая сила этих актов сомнительна). И поэтому, например, шествия с портретами Гитлера и пропаганда нацизма – не только неприличны, но противозаконны (почти во всей Европе), а демонстрации с портретами Сталина и прославление сталинского режима и необходимости репрессий в интересах «государства» (и тогда, и сейчас!) – не только «приличны», но и совершенно законны.

Такой Трибунал должен быть международным НЕ как Нюрнбергский, а как трибунал, созданный по инициативе нескольких стран – стран бывшего СССР и ещё, возможно, соседей (например, Польши, пережившей Катынскую трагедию). Есть ли законы ТОГО ВРЕМЕНИ, по которым можно сейчас осудить Сталина, его главных соратников и его режим? Можно ли для этого использовать довоенные Конституции СССР (в том числе и «гуманную», образца 1937-го)? Можно ли использовать хоть один международный договор (ведь еще не было Устава ООН и Всеобщей Декларации Прав Человека, провозгласивших, что Права Человека – это НЕ только внутреннее

дело самих государств!)? Наверное, нужно создать рабочую группу такого проекта и начать работать.

Подчеркнём, что мы считаем необходимым осуждение именно «Сталинистского режима» (а вовсе не идеологий марксизма, социализма или коммунизма!). Несмотря на всю спорность, «кровавость» и противоречивость большевистского режима, его легитимности, его перегибов, всех ужасов гражданской войны – это вопрос, который уже невозможно решать, не внося раскол в общество (и в России и во всём мире), или не начав осуждать и царский режим дома Романовых - и так вплоть до X-го века – здесь возможно лишь добровольное покаяние (за своих предков) и символическое примирение. Хотя и это сложный вопрос, требующий отдельной дискуссии в обществе.

А вот режим, жертвы и свидетели (и палачи), которого ещё живы (!), создавший многомиллионный ГУЛАГ, установивший атмосферу страха, террора, бесправия для миллионов и десятков миллионов, переселивший и частично погубивший целые народы, породивший многие современные проблемы и ещё не остывшую ненависть и жажду восстановить справедливость, - вот этот режим (с конца 20-х - начала 30-х и до начала 1950-х) должен быть осужден. Трибуналом.

Даже если не удастся собрать межгосударственный международный Трибунал, придется создавать международный гражданский трибунал. Заслушать свидетельства. Даже обеспечить защиту. И вынести вердикт сталинскому режиму, в том числе - позволившему погибнуть миллионам солдат и офицеров в первые месяцы ВОВ.

А ещё – нужно ПОКАЯНИЕ. И тогда, быть может, Польша и страны Балтии начнут относиться к нам по-другому. А то, что и им самим нужно покаяние (например, всё-таки осудить собственных СС-овцев) - это уже их дело. И Бог им судья. А наше покаяние – это наше дело. И здесь НАМ Бог судья.

И жалко, что по ТВ давно не показывали фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Очень своевременный фильм (снят в середине 1980-х), просто даже удивительно, почти как «Убить дракона» Марка Захарова. Может, потому и не показывают? Или нам самим будет слишком тяжело его смотреть и мы ищем себе объяснений и оправданий?

МОЛОДЕЖНЫЙ АКТИВИЗМ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Речь Лидера МПД А. Юрова на Конференции «Права Человека в Северной Корее», Сеул, 14-19 февраля 2005

1) Когда идет речь о Правах Человека, встает вопрос о действующих лицах этого процесса. Кто должен выступать основными защитниками Прав Человека? Является ли это сферой деятельности опытных профессионалов – сотрудников профильных государственных и общественных институтов, или напротив – это объект участия для самой широкой общественности? Однако, опыт показывает, что власти начинают соблюдать Права Человека и создавать институты для их защиты, только когда сами граждане, большое количество обычных людей, воспринимают их как собственную ценность и готовы за них бороться. Поэтому особое внимание должно уделяться **действиям каждого человека**.

2) Чтобы заставить кого-то почувствовать, что он действительно обладает Правами Человека, которых невозможно лишить произвольным образом, это нужно начать делать еще в детстве или юности. И знание о Правах Человека не обязательно должно начинаться с изучения международных документов или философских концепций. Оно может начинаться с развития **персонального чувства справедливости** и ее проявлений в повседневной жизни, путем чтения правильных книг и встречи с правильными людьми, которые подадут соответствующий личный пример. Это является тем более важным, что данный процесс не может быть втиснуть в рамки формального образования, официозных молодежных программ и др. Это чувство можно также приобрести, столкнувшись с ситуацией несправедливости в отношении себя или близких людей, которая заставила задуматься о справедливости и ее защите.

3) Вряд ли можно говорить о Правах Человека, о том, как они хороши и какое значение имеют, если у человека отсутствует **личный опыт восстановления справедливости**, когда чьи-то права были нарушены, а потом восстановлены. И это восстановление становится реальным, только когда человек сам в этом участвует. Тогда и может появиться уважение к Правам Человека, когда вы подпишете первую открытку, выйдете на первый митинг или в первый раз разъясните что-то своим соседям.

4) В большинстве случаев подобный опыт вряд ли можно получить на улице или случайным образом, а только в правозащитных организациях, чаще всего неправительственных. Иногда это может быть «молодежный отдел» взрослой правозащитной организации, или **международная молодежная сеть**, к работе которой можно присоединиться через выполнение простых вещей. Возможность встретить своих сверстников из других городов и даже стран является в определенном смысле очень важной для понимания верховенства Прав Человека. Потому что тогда у молодых людей есть возможность ощутить их универсальный характер (так же как и универсальный характер проблем и нарушений); познакомиться с людьми, которые выступают в защиту Прав Человека в других странах; узнать об их успешном опыте и поддержать друг друга.

5) Если вы начинаете специальные программы по вовлечению молодежи в деятельность по защите Прав Человека, нужно помнить одну очень важную вещь. В самом начале молодежи интересно не столько содержание, сколько форма работы. Именно поэтому молодежные проекты существенно отличаются от проектов, реализуемых продвинутыми профессионалами. То, что интересно и эффективно для профессионального юриста, может быть бесполезно для молодого активиста. В таком случае может быть полезно начать с гуманитарных форм работы, не связанных непосредственно с Правами Человека, например: конкурсы творческих работ по определенной теме (рисунки, фото, дизайн, эссе, слоганы и т.д.), распространение оригинальных информационных материалов, публичные марши и уличные акции, привлечение художников и музыкантов для освещения какой-либо проблемы и др. После этого непосредственного опыта намного легче проводить образовательные мероприятия по обучению основным понятиям, и вовлекать в более серьезные формы работы, поскольку у молодежи уже есть базовый опыт по «изменению мира к лучшему».

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВООЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ (МПД) КАК НОВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Международное МПД (Молодежное Правозащитное Движение) - это настоящий новый Интернационал.

Это гораздо больше «Интернационал», чем любая ассоциация, объединяющая политические или идеологические группы разных стран.

Это, прежде всего, – Интернационал людей, которые не отвергают «патриотизм», но понимают его во многом так же, как мыслители и гуманисты древнего мира, средних веков или эпохи просвещения: *человек, его жизнь, его достоинство, его свобода, его права и его потребности иметь братьев в других странах и «языках» – священны и первичны по отношению ко всем структурам, порожденным людьми в процессе социальной активности - по отношению к организациям, предприятиям и даже государствам.* Для нас «настоящий патриот» – это не тот, кто ненавидит и боится другие страны и другие народы, считая себя то ли значительно хуже, то ли значительно лучше их, - но тот, кто любит свою страну и, следовательно, пытается сделать ее местом, где людям хочется жить, где человек важнее власти и прибыли, и где власть служит людям, а не наоборот, где Право защищает справедливость, а не сомнительные законы служат основанием для произвола, и где никто не чувствует себя беззащитным перед лицом грубой силы, всемогущих чиновников или вездесущих спецслужб. Причем сделать свою страну такой не вопреки или отдельно, а – совместно с соседями и другими народами и странами. А значит, «настоящий патриот», как мы его видим, ощущает свою сопричастность всем странам и всем народам, чувствует, что он, работая в своей стране или нескольких странах, влияет на все события, происходящие в этом мире – гуманные или жестокие, мудрые или бездарные, справедливые или подлые, и, следовательно, входит – явно или неявно – в своеобразный «Интернационал» людей, думающих и чувствующих так же.

Именно понимание, что Права Человека и человеческое достоинство важнее любых вторичных структур, «социальных

надстроек» (в том числе - тех государственных образований, которые в настоящий момент существуют в рамках современных границ), - дает возможность возникновения новых Интернационалов, объединяющих людей и независимые группы, у которых гораздо больше общего, чем различий (из-за языка, гражданства или цвета кожи) в их работе и на национальном и на международном уровне, - работе по строительству своих государств и сообществ по более-менее сходным гуманистическим принципам.

Это еще и ключ к осознанию роли современных государств и сообществ в защите права и достоинства каждого из нас. Это – фундамент для формирования нового, более осознанного отношения к этим самым государствам. Мы должны уважать государства, в которых живем, но для того, чтобы уважать их, мы сами должны их сделать достойными такого уважение (ибо наше уважение дорого стоит!), - мы должны внести собственный вклад и почувствовать собственную ответственность, именно мы должны ограничить их «власть» и организовать жесткий контроль над ними со стороны граждан, - именно это мы и называем новым «гражданским патриотизмом», патриотизмом людей и сообществ – поверх границ и идеологических разногласий!

Это такая простая идея, которую так сложно реализовать, – попробовать объединить молодых людей многих стран на основании этих простых ценностей и стратегий действий. Объединить тех, кто убежден, что права и свободы человека важнее ссор между политиками отдельных государств, что вместе нам будет проще «выдрессировать» и «приручить» наши государства, сделать их более современными и человечными, дающими нам возможность развиваться и творить. И кто уверен, что на основе такого соотношения человека и «власти» – и только на основе этого - мы имеем право на наш личный «гражданский патриотизм», выражающийся в любви и уважении к нашим странам, который без этой основы превращается в пещерный национализм и нацизм.

Это и есть идея Молодежного Интернационала Прав Человека, получившего временное наименование «Интернациональный Проект – Молодежное Правозащитное Движение (МПД)».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Людмила Алексеева, Председатель Московской Хельсинкской группы

Я знаю Андрея больше 20 лет, он всегда ходит со своими идеями, охватывающими весь земной шар. Ему очень важно, чтобы люди размышляли, ставили вопросы и пытались искать на них ответы. Ему важна солидарность, как ценность, как действие, как образ мысли. Он сам всегда откликается на то что происходит и куда может дотянуться его рука. А если не может дотянуться сам, грустит и сподвигает других - вдруг кто-то сможет.

Этот сборник собирает в себе лишь некоторые из его текстов. Часть написана им самим, часть при его участии, часть с его слов. Вы видите, что они очень разные – размышления о «собственных драконах», устройстве общества, осмысление прошлого, анализ вызовов «мирному» существованию государств и концепции прав человека. У него нет готовых ответов, он каждым текстом ищет тех, с кем вместе сможет поставить вопросы и высветить темные уголки, куда еще не добрались наши размышления.

Я с большим удовольствием сама приняла это приглашение к совместному размышлению о важном, и от всей души приглашаю всех желающих в нашу кампанию, чтобы не только найти ответы на некоторые непростые вопросы, но и найти свой путь.

Нам всем в нашей повседневной суете и бесконечной рефлексии на разные «мелочи» очень не хватает серьезного обсуждения о том, как сохранить и защитить человеческое достоинство в современном мире. Большое спасибо Андрею за то, что он дает нам такую возможность.

АНДРЕЙ ЮРОВ (АЮ)

Известный международный правозащитник, социальный философ литератор, со-автор концепции «гуманитарного антифашизма/Human Integrity», Научный руководитель Международной школы прав человека и гражданских действий, Научный руководитель Международно центра прав человека при Санкт-Петербургском институте им Принца П.Г.Ольденбургского.